

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

ОПАСНОСТЬ ПРЕДЕЛЬНОГО УРОВНЯ

Сергей САМАРОВ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Опасность предельного уровня

«Автор»

2007

Самаров С. В.

Опасность предельного уровня / С. В. Самаров — «Автор»,
2007 — (Спецназ ГРУ)

Блестящий композитор, восходящая звезда музыкального мира, надежда Европы, гордость чеченского народа – и он же безжалостный террорист. Уникальная, беспримерная музыка звучит в голове Джабраила Алхазурова, но кровью он льет ее на нотный стан войны. Гений и злодейство совместимы! Стихает музыка, и проступает оскал зверя. Три опытных офицера спецназа ГРУ отправляются в Гудермес, где выясняют, что Алхазуров собрал вокруг себя единомышленников и собирается переправить их в Москву. Террористы не будут сидеть сложа руки, они готовят беспрецедентную по размаху акцию. Первостепенная задача спецназовцев – найти и обезвредить музыканта-оборотня.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
ГЛАВА ПЕРВАЯ	9
1	9
2	12
3	15
ГЛАВА ВТОРАЯ	20
1	20
2	23
3	25
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	29
1	29
2	32
3	36
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	40
1	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Самаров

Опасность предельного уровня

ПРОЛОГ

– Опять... Опять эти... Они уже меня начинают утомлять, учитель...

В католическом соборе переливчато, перебегая с голоса на голос, зазвонили колокола. У христиан сегодня, кажется, какой-то праздник... Собор этот старый, построен португальцами во времена их экспансии в Индию, тогда еще большую, разделенную лишь потом англичанами. Может быть, тогда португальцы и могли силой пригонять кого-то на свою службу и просто объявлять невинных людей христианами. Для того и собор такой большой строили. Сейчас во всем городе христиан едва ли два-три десятка наберется. И на них на всех целых два собора. Второй, кажется, построили для себя англичане, когда осели здесь на несколько веков. Индуистов, правда, в городе традиционно много, и они хотят считать эту землю своей. И храмов у индуистов в достатке. Но и мечетями с гордыми минаретами город тоже, слава Аллаху, награжден справедливо... А как иначе, если семьдесят процентов населения города – верующие мусульмане.

Окно в тесной комнате с низеньким потолком закрыто плотно, несмотря на жару. И даже занавеска из тонкой не слишком чистой ткани опущена, чтобы создавать прохладный сумрак. Человек, сидящий перед работающим ноутбуком, от колокольного звона тоже брезгливо поморщился, поправил на голове чалму и добавил в компьютере звук. А второй, что почтительно сидел чуть позади, в черном головном платке, завязанном под затылком, раздраженно протянул руку и закрыл за спиной дверь, чтобы звуки колоколов не мешали слушать запись.

– Ты должен проявлять больше терпимости. Хотя бы внешне. Ты все-таки человек высокого интеллекта и культурной гражданской профессии.

– Я уже давно забыл про свою гражданскую профессию. За инструмент не садился уже много лет, учитель...

– А вот это зря. Такое сочетание, как воин и музыкант, поражает воображение. И существенно поднимает твой имидж на Западе.

– Но мы-то живем на Востоке, и люди мы восточные.

– Однако образование у тебя западное, и со временем тебе придется туда податься.

Человек в чалме повернулся к ноутбуку, продолжая прослушивание. Но запись через несколько секунд уже кончилась. Она вообще была короткой – и человек в чалме, не выключая ноутбука, просто закрыл монитор, почти полностью опустив его на корпус, но не защелкнув, и показывая этим, что пришла пора обсудить увиденное и услышанное.

– Что скажешь? – повернулся он, заставив заскрипеть резной, искусной работы табурет, достойный того, чтобы занять место в музее восточного прикладного искусства. Да и вся мебель в небольшой комнатке была достойна того, чтобы разделить места в музее вместе с этим табуретом. И это при том, что комната вовсе не выглядела богатой.

– А что я могу сказать? Для меня это не ново, учитель, – с горечью усмехнулся человек в черном платке и встал, чуть не касаясь головой потолка – высокий, широкоплечий, с тонкой талией. Мужчина-воин, о чем красноречиво говорила вся его стать. И человек в чалме оглядывал своего гостя с одобрением, впрочем, достаточно привычным, потому что знакомы они были давно и он знал, кто перед ним.

– Знаешь, кто это говорил?

– Конечно. Желал бы я встретиться с ним где-нибудь ночью, когда все кошки серы и охрана от него далеко отстала... Это директор ФСБ.

– Он теперь председатель антитеррористического комитета... И обращается к тебе и к твоим подвижникам от имени этого комитета.

– Он не в первый раз обращается, и его слова для меня неновы. К сожалению, среди нас много слабых, кто готов сложить оружие и бежать к своей женщине под юбку. В каждую амнистию такие находятся, учитель.

Человек в тюрбане согласно закивал головой, отчего его коротко остриженная борода стала похожей на жесткую щетку.

– Вот об этом я и хотел бы с тобой поговорить. Если объявляют амнистию, ты, как непримиримый борец, должен воспользоваться этим с пользой и саму амнистию в глазах обеих сторон представить так, чтобы больше им неповадно было.

– Я возвращаюсь вскоре. И потороплюсь, чтобы делом заняться. Если уничтожить нескольких человек вместе с семьями, я думаю, это придаст силы слабым. Они должны понять, что обратного пути у них нет.

Но это было, очевидно, совсем не то, о чем учитель завел разговор.

– Я понимаю твоё рвение. – Человек в чалме любовно погладил свою бороду-щетку. Может быть, просто ладонь почесал. – Но здесь требуется больше умом работать, чем оружием. Давай вместе подумаем, как нам с этой ситуацией поступить.

Человек в черном головном платке понял, что у учителя уже готов план, который ему предстоит воплощать в жизнь. Так всегда было, потому что планы в голове учителя рождаются чаще, чем дети у чрезвычайно горячего мужчины...

Человек в черном платке подошел к окну и выглянул за занавеску. Посмотрел на улицу, на дом напротив и вернулся к своему стулу...

* * *

Перейти через узкую улицу – начнется индусский квартал. Впрочем, местные индусы с местными мусульманами не воюют. Это пришлые мусульмане делают гадости местным индусам, точно так же, как пришлые индусы делают гадости местным мусульманам. А потом газетчики поднимают шум о напряженности в приграничном городе. И вызывают тем самым напряжение...

Дом напротив внешне похож на тот, за окном которого два человека сидели перед ноутбуком. Только окна в доме напротив распахнуты по причине жаркой погоды. И лишь частая зеленая москитная сетка отделяет комнату от улицы. Впрочем, такая сетка, пропуская воздух, практически не пропускает взгляды и выполняет роль шторы вполне прилично.

Здесь тоже два человека. Один в тюрбане, второй одет по-европейски, хотя внешность имеет настоящую индусскую, но издалека отдающую европейским лоском. Оба сидят за столом у стены, противоположной окну. На столе на треноге установлен прибор, похожий на подзорную трубу, только от этого прибора тянутся провода к металлическому «дипломату», стоящему под столом. Это лазерный звукозаписывающий прибор, способный «читать» разговор, происходящий даже за тройным стеклом. Исключение составляют только вакуумные стеклопакеты, которые плохо передают звуковые вибрации на звукозаписывающий прибор, но в таких кварталах вакуумные стеклопакеты редкость. Здесь не богатые дома.

Тот, что в европейском костюме, прикладывает к уху маленький наушник, слушая разговор.

– Не понимаю... На каком языке они разговаривают? Русские слова слышал... Это запись... А между собой...

– Может, на арабском? – предположил человек в тюрбане.

- Я арабский сносно знаю... Разобрал бы... Скорее, это чеченский...
- Ладно, отошлем запись, в Лионе¹ разберут...

* * *

– С тех пор как Россия восстановила свои спутники, вам стало слишком сложно прятаться в лесах и горах... Так ведь?

Учитель вновь поднял монитор ноутбука и открыл подробную карту космической съемки Чечни и приграничной Грузии. Он задумчиво переводил курсор компьютерной «мыши» с одного населенного пункта на другой, а то и просто рисовал курсором круги.

– Да, учитель. Настоящая война, можно с сожалением признать, давно кончилась. Даже серьезная партизанская война, к нашей печали, уже кончилась... Сейчас можно действовать только маленькими незаметными группами, но и то следует быть трижды осторожными. Приходят новые и новые сообщения – то там, то здесь проведена операция по уничтожению какой-то группы, которую и настоящим джамаатом-то назвать нельзя. Потому мы теперь применяем новую тактику. Командиры распустили свои джамааты по домам, но при первом сигнале моджахеды готовы взять в руки оружие и прийти в условленное место. Проводят операцию, себя не показывая, а потом, спрятав оружие, спокойно возвращаются домой, и никто даже не знает, что они дом покидали. Сейчас это самый действенный способ. Ради него люди даже мягкие щитки на плечо прилаживают, чтобы на плече синяков от приклада не оставалось и никто не подумал, что они недавно были в бою... Иначе воевать сейчас практически невозможно.

– Когда я в последний раз был в Чечне, все, помнится, было по-другому. Тогда и сами федералы не знали, где находится противник, потому что противник находился везде. Годы прошли, не десятилетия, а только годы, а все изменилось. Значит, тактику менять надо. Ты слишком долго был в тени Басаева и привык, что Шамиль за тебя думает и решает. Пора проявлять собственную инициативу и поднимать собственное знамя. – Человек в чалме взял со стола стакан с густым персиковым соком, посмотрел на просвет, если такой просвет вообще мог существовать в затемненной комнате, и сделал несколько маленьких глотков.

– Инициативу сейчас проявлять трудно. Мало верных сподвижников. Люди понимают бесполезность своих усилий. Часто операции похожи на бросок с кинжалом на танк.

– А ты вспомни угрозы Басаева, которые он так и не успел осуществить...

– Шамиль часто грозил, но чаще ради того, чтобы о нем помнили... – Воспоминание о грозном соратнике не вызвало у человека в черном головном платке восторга.

– Я знаю. Но иногда он говорил правильные вещи. И к этим вещам следовало бы прислушиваться. Что сейчас с твоим домом в Гудермесе?

– Стоит разрушенным, и некому его отстраивать заново...

– Я помню твой дом. Ты много труда вложил, чтобы сделать его таким красивым.

– Я попросил своих друзей снять мой дом на пленку, мне привезли запись, и я трижды начинал смотреть, но досмотреть до конца не могу, больно в груди, словно там кинжал торчит, – признался человек в черном головном платке.

– А твои враги тем временем живут в хороших домах, которые даже топить самому не надо, в которых не надо воду греть, чтобы вымыть на ночь ноги... – Новый глоток персикового сока показал, что учитель говорит словно бы о вещах отвлеченных, но человек в черном головном платке знал давно, что именно в эти моменты говорится главное. Тогда, когда пьется персиковый сок. Учитель из всех соков пьет только персиковый, и только не очищенный, и считает, что персиковый сок дает свежесть уму. И никогда в жизни он не осквернил свой язык даже глотком вина или, что еще хуже, водки.

---

¹ Во французском городе Лионе находится штаб-квартира Интерпола.

– Я понял, учитель. Шамиль обещал перенести войну в Россию... Только где взять людей для такой войны? Нехватка людей и помешала Шамилю осуществить планы, он сам мне жаловался. Как отправить в Россию тех, кто готов к действиям? Проверяют всех... Наша национальность стала в России нарицательной.

Человек в чалме думал недолго.

– Для чего я тебе показывал сейчас выступление председателя антитеррористического комитета? Как ты полагаешь?

Человек в черном платке опять встал. Только теперь уже выглядел задумчивым.

– Я понял. Это хороший путь. Наверное, самый лучший путь из всего, что сейчас можно выбрать. А выбора у нас почти нет...

* * *

Дом был построен из больших глиняных кирпичей, но балки межэтажных перекрытий и лестницы в нем были деревянными. Старое дерево сильно скрипело под тяжестью сильного и крепкого человеческого тела. Когда человек в черном головном платке вышел на улицу, он привычно осмотрелся, цепко выхватывая взглядом каждого прохожего, которого мог бы заподозрить в нестандартном поведении. Хотя всех прохожих он осмотреть не мог – улица слишком оживленная, слишком много на первых этажах торговых лавок, которые посещает слишком много людей, в основном приезжих, с внешностью, не свойственной жителям этих кварталов. Много часов потратишь и всех не рассмотришь, потому что одни постоянно меняют других. Человека в черном головном платке в первую очередь привлекали такие прохожие, кто на него смотрел, и потому он вообще не обратил внимания на машины, стоящие вдоль всей улицы, хотя и только с одной стороны, поскольку движение здесь было односторонним.

А именно из машины его и фотографировали.

– Такие мужчины женщинам нравятся, – сказал водитель, поворачивая ключ в замке зажигания, готовый тронуться с места, как только объект наблюдения сам тронется.

– Инспекторам полиции, как правило, тоже, – добавил фотограф. – У него на лице написано, что он – личность. Из таких людей вырастают или видные политические деятели, или, если в политику ход заказан, большие преступники, с которыми приходится много повозиться...

– Нас политики волнуют мало...

– Правильно. Мы обязаны волноваться относительно преступников. Потому я и снимаю. Скоростная цифровая камера защелкала быстрее...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Большой дом за высоким кирпичным забором, увенчанным короткой пикообразной решеткой, располагался недалеко от центра Гудермеса. В центре города давно уже наступили спокойные времена, и даже ночью можно было выходить гулять без опасения нарваться на неприятность. Вообще-то нарваться можно было и сейчас, но значительно реже, чем какой-то год назад... Обычно все металлические, украшенные сварными узорами калитки в таких домах даже днем закрываются постоянно изнутри. Английский принцип: мой дом – моя крепость, стал в современной Чечне насущной необходимостью. Но в этот вечер, даже при наступившей темноте, калитка оставалась открытой, и несколько человек, пользуясь низкой облачностью и тем, что даже луна через тучи не просвечивала, а фонарей на улицах давно уже не держали, приходили по одному с разных концов улицы, и, непременно оглянувшись – не наблюдает ли кто за ними, торопливо заходили во двор.

Их встречал человек, памятником застывший на высоком крыльце, и только кивал в ответ на молчаливое приветствие. Любых звуков и слов, даже произнесенных шепотом, старательно избегали все...

* * *

В угловой комнате за плотно задернутыми шторами на окне, выходящем в сад, сидел человек в черном головном платке. Стол перед ним был пуст и застлан чистой белой скатертью. Только на стуле рядом лежала тетрадь с нотами, написанными небрежно и второпях, будто бы на колене. Но человек в черном головном платке к нотам не обращал взгляда, словно забыл о них.

В дверь постучали.

– Заходи, Ахмат.

Вошел низенький круглолицый человек с хитрыми глазами, виновато улыбнулся и зачем-то отряхнул форменные милицейские брюки.

– Они прибыли...

– Все?

– Все... Пятеро... Следующим пяти назначено на завтра. Завгат их встречал и дал мне сигнал. Сам пошел калитку закрыть, чтоб какая бродячая собака не забежала...

– К твоему псу не только шакалиха бродячая, к нему бойцовский пес не зайдет.

Ахмат похвалу собаке принял с улыбкой, как похвалу хозяину.

– Алан закрыт в подвале, чтобы не лаял. Так Завгат просил.

– Хорошо, Ахмат, пусть заходят по одному. А пса выпусти, но людей предупреди. Нехорошо, если соседи подумают, для чего ты убрал пса в подвал?..

Через минуту из двора уже раздался раскатистый лай серьезной по характеру и по габаритам престарелой кавказской овчарки Алана. Алан отличался суровым нравом, и даже сам хозяин порой побаивался его, не говоря уже об остальных. Только Джабраила Алан принимал, чувствуя, должно быть, в нем характер вожака.

В дверь, словно дождавшись собачьего лая, опять постучали.

– Входи. Кто там, – негромко позвал человек в черном головном платке.

Вошел немолодой бородатый мужчина, сильно прихрамывающий на левую ногу. Приветственно, почти радостно улыбнулся грубым, будто из камня рубленным лицом.

– Здравствуй, Джабраил. Я рад, что ты вернулся. Мы все рады, что ты вернулся...

Интонации звучали искренне, и не поверить в радость было трудно.

– Здравствуй, Александэр. Твоя нога еще не пришла в порядок? – Джабраил тоже говорил с желанием показать человеку свое уважение.

– Ходила-ходила, как говорится, и почти в порядок пришла. Чуть-чуть хромаю. Как-то все еще непривычно ходить с половиной ступни. За год никак не привыкну. Надо будет протез, что ли, заказать. Конечно, потом. Сейчас пока еще так поковыляю. Но в Гудермесе тротуары хорошие, и мин здесь, кажется, почти нет. С прогулками справляюсь.

– А дальше выходить не приходится? – Джабраил намеренно сделал вид, что ничего не знает о местных делах.

– Изредка. Ахмат с Завгатом за четыре месяца, что тебя не было, трижды вызывали. Так, мелочами занимались.

– О мелочах я слышал. А как, кстати, твой сын?

– Который? У меня, если ты помнишь, их четыре...

– Старший... Меня интересует старший...

– В Москве, по-прежнему. Бизнес не дает отца провести. Деньги шлет, каких я сроду не видел, а вот хоть бы строчку написать – не до того ему. Звонит иногда. Через друзей трубку мне передал. По ней и звонит.

– У него, кажется, строительная фирма?

– Да. Он же строительный институт закончил. Если учился, значит, это для чего-то надо.

– Не всегда. Я тоже учился музыке у лучших педагогов Европы. Но мне это теперь уже едва ли пригодится... Мечтаешь повидаться со старшим сыном?

– Еще бы не мечтать! Зову его сюда. Здесь строительства столько, что... Сам знаешь... Но если бизнес налажен в Москве, его сюда не перетащишь.

– Скоро повидаетесь... Аллах добр к тем, кто имеет терпение. – Тон сказанного вовсе не предупреждал о возможности поездки, но Александэр слишком хорошо знал Джабраила, чтобы пропустить мимо ушей такую значимую фразу.

– Я готов, – ответил сразу. – И мой автомат хорошо смазан, не заржавел...

– Но поездка не должна быть простой. Ты же сейчас живешь дома, и менты тебя, я думаю, не слишком беспокоят?

– А что меня беспокоить... Кто видел, что я ухожу в лес? Я из дома-то редко выхожу... Я в городе так сильно хромаю, что люди мне помочь пытаются, под локоть, когда скользко, поддерживают... Кто на меня подумает?..

– Вот и хорошо... Но документы тебе для поездки нужны другие...

– А мои-то чем плохи? – не понял Александэр.

– Ты же хочешь домой вернуться и жить спокойно, как сейчас?

– Хочу, – твердо сказал Александэр.

– Тогда тебе нужны другие документы. И – настоящие...

Александэр улыбнулся:

– Я не все понимаю, о чем ты говоришь, но я тебе, Джабраил, настолько доверяю, что готов сделать все, что ты хочешь.

– Тогда через три дня пойдем в лес на встречу. Мне там подобрали людей, которые мне нужны. То есть, которые мне не нужны. Которые никому не нужны.

– Я опять ничего не понял. Но я готов.

Какое доброе у Александэра лицо и чистосердечный взгляд! И человек он Джабраилу очень нужный. Лучшего взрывателя еще поискать в округе...

– Это главное, что я хотел услышать. Кто там у нас следующий?

– Ибрагим.

– Можешь идти, и зови Ибрагима. С тобой увидимся в лесу. Ахмат с Завгатом приведут вас...

* * *

Ибрагим зашел гибкой походкой готовой к прыжку пантеры. Он всегда так ходил. И в боевой обстановке, и в мирной.

– Здравствуй, эмир.

И руку пожал крепко. Будь у Джабраила у самого рука слабее, ему стало бы больно. И руку Джабраил всегда так пожимал, чтобы боль причинить.

– Здравствуй. Расскажи-ка мне, какие у тебя отношения со старшим братом.

Вопрос был явно не тот, который ожидал услышать Ибрагим, и потому его красивое лицо выразило удивление.

– Практически никаких. Мы с ним не общаемся.

– Но он по-прежнему в Москве?

– Думаю, что там. Если бы его уже посадили, матери сказали бы.

– Он очень не любит законы?

– Он не знает, что это такое.

– Тогда я попрошу тебя не встречаться с ним, когда будешь в Москве...

– Когда я буду в Москве?.. – Ибрагим не понял.

– Да, через несколько дней ты туда выезжаешь.

– Я понял, эмир...

* * *

Последним из первой пятерки в комнату к Джабраилу вошел внешне чрезвычайно спокойный русоволосый человек с добродушным и слегка отстраненным от всего происходящего в мире лицом. В большом городе по одному рассеянному взгляду и блуждающей улыбке его легко приняли бы за дурачка и не стали бы проявлять излишнее внимание к такой персоне. Может быть, даже документы проверять не стали бы. Тем не менее это был один из самых ценных людей в отряде Джабраила.

– Тебя, Урусхан, я особо рад приветствовать, потому что твоя миссия, как всегда, особая и без тебя мы не сможем добиться полноценного результата...

Урусхан чуть грустно улыбнулся и ответил тихим голосом:

– Я привык к своей миссии, эмир... И всегда выполняю ее хорошо...

* * *

Табиб привел остатки своего отряда на поляну вовремя, сразу после заката солнца. И даже обеспечил своими малыми силами полевое охранение. Он, конечно, не подчинился Джабраилу, он в здешних краях вообще никому не подчинился и всегда предпочитал действовать сам. Но ему приказали люди, послушаться которых Табиб не решился. Послушаться их, значит, лишиться финансирования. А это единственный вопрос, который Табиба в последние годы волнует. И он привел восемнадцать человек. Зная, что уведет назад только восемь-

рых, которые сейчас стоят в дозорах. Это тоже было в приказе, который Табиб получил. А Джабраил, приведя с собой десятерых, уйдет с двадцатью... Неравная арифметика, но Табиб всегда был слаб в математических действиях. Раньше он работал приемщиком шкур в заготконторе, и звали его чаще просто Юркой Шкурником. А имя Табиб он сам себе придумал, когда возглавил отряд боевиков. Шкуры домашнего скота – это единственное, что Табиб умел считать. Во всем другом, даже в общем количестве людей в своем отряде, даже в деньгах, что, бывало, ему перепали, частенько, ошибался.

– Ты вернулся, я понимаю, чтобы развлекать свой народ музыкой? – С наигранной улыбкой Табиб протянул Джабраилу обе руки, показывая уважение, которого в действительности не испытывал. И при этом сильно косил одним глазом, а Джабраил, как всегда, не мог понять, в какой глаз ему следует смотреть.

Но Джабраил тоже протянул две руки. Он умеет приветствовать вежливо даже человека, которого слегка недолюбливает.

– Мою музыку мой народ уже не помнит, – ответил при этом со скромной и чуть-чуть грустной улыбкой. – Но я намереваюсь написать новую, которая будет волновать сердце любого горца...

– Твоя музыка горца не волнует, – теперь полевой командир откровенно поморщился, не в силах скрывать свое истинное отношение к Джабраилу. – Нам барабан нужен, а не пианино... И автоматная очередь в придачу...

– Фортепиано, – с той же скромной улыбкой поправил Джабраил. – Обычно это называется – фортепианная музыка... Иногда я писал и музыку для оркестров... Но главное ведь не в инструментах, а в том, что услышишь... Может быть, и тебя моя новая музыка взволнует...

Юрка Шкурник так и не понял, о чем идет речь, но, чувствуя серьезные и даже загадочные нотки в голосе Джабраила, только плечами пожал, не рискуя насмехаться, хотя насмешка просто рвалась из него наружу. У Джабраила слишком серьезная репутация, чтобы над ним можно было насмехаться. Не зря Басаев столько лет держал его рядом с собой. Кроме того, Джабраил из тех людей, что не подлежат амнистии, о которой столько разговоров вокруг. Слишком много крови он за своей спиной оставил, чтобы ему простили былые прегрешения. Но даже сегодняшний разговор, как понял Табиб из полученного из-за границы распоряжения, пойдет тоже каким-то образом об амнистии. Какое имеет к этому отношение Джабраил – непонятно, но что-то он задумал. Табиб распоряжение готов выполнить и подготовил то, о чем его просили. И готов получить за это обещанную компенсацию. Просто жаждет ее получить...

2

В полуофициальном офисе московского подсектора Интерпола по борьбе с терроризмом, не входящего в НЦБ², но по необходимости с коллегами тесно сотрудничающего, в этот вечер было шумно и многолюдно. Руководитель подсектора Александр Игоревич Басаргин вынужден был даже стулья принести из своей квартиры, расположенной на той же лестничной площадке. Так задумывалось первоначально, когда подсектор только создавался, что офис не афиширует свою деятельность и, по вполне понятным конспиративным причинам, находится на полупрозрачном положении. Потому для удобства его и базировали не на основе НЦБ и не на средства МВД России, а в специально купленной для этого квартире на средства самого Интерпола. Основа финансирования подсектора предусматривала естественную самостоятельность в действиях. Но в условиях современной России, даже при том, что возглавил подсектор бывший сотрудник ФСБ, а личный состав почти полностью формировался из бывших офицеров

---

² НЦБ – Национальное центральное бюро Интерпола официально учреждено в октябре 1996 года решением Правительства РФ, но действовать начало только с декабря 1999 года.

спецназа ГРУ, полная самостоятельность оказалась невозможной. И интерполовцам пришлось сразу же «рассекретиться», вступая в тесный контакт с антитеррористическим подразделением ФСБ России «Альфа» и, при необходимости, с органами МВД и спецназа ГРУ, в антитеррористических мероприятиях, особенно связанных с Чечней, как правило, задействованных. А основная часть операций Чечни так или иначе касалась.

Подсектор планировался как небольшое структурное подразделение, мобильное, оснащенное новейшей техникой и больше способное делать анализ и информировать соответствующие силовые структуры, чем проводить самостоятельные операции. В действительности участие в операциях стало явлением естественным и часто просто необходимым. Со временем сотрудников появилось много, и в офисе стало уже тесно. И уже поднимался вопрос о новом офисе, способном обеспечить нужды сильного подразделения Интерпола. А теперь, кажется, намечается тенденция к созданию еще большей тесноты. О привлечении к работе трех опытных специалистов-боевиков, офицеров спецназа ГРУ полковника Игоря Алексеевича Согрина, подполковника Анатолия Сохно и подполковника Александра Афанасьева по прозвищу Кордебалет, которые по возрасту уже обязаны были расстаться с армией и отправиться на пенсию, хотя по физическим кондициям в состоянии были дать фору многим молодым офицерам, говорили давно. С этой отдельной мобильной офицерской группой антитеррористический подсектор Интерпола плотно работал много раз, все сотрудники знали спецназовцев еще по прошлой своей службе, и вопрос стоял только о том, когда командование спецназа ГРУ решит вопрос с отставкой.

Вопрос, кажется, решился окончательно. Осталось только документы оформить. А это дело хлопотное и долгое. Особенно – долгое, потому что каждую справку в пять строчек чиновники готовят несколько дней и устают так, что поторопить их невозможно. И пока оформление тянулось, спецназовцы – еще не отставные официально! – все же переоделись в гражданскую одежду, сидящую на них не слишком привычно, и проводили время в офисе Интерпола, где им предстояло вскоре работать. Об этом говорили уже как о вопросе решенном, поскольку штаб-квартира Интерпола в Лионе дала согласие на расширение штата такими опытными офицерами, хотя, как передали Басаргину, не всем и в Лионе нравилось, что подсектор из аналитическо-следственного превращается, по сути дела, в сильную боевую единицу. Впрочем, не объявленные так официально боевые единицы Интерполу тоже были необходимы, и потому возражения не возымели эффекта...

А множество проведенных ранее мероприятий и операций силового значения и при этом международного уровня показали даже необходимость существования такого подразделения.

* * *

Центральное место в главной комнате офиса, как казалось, занимал вовсе не руководитель – Александр Игоревич Басаргин, а самый крупный по габаритам член коллектива – Виктор Юрьевич Гагарин по прозвищу Доктор Смерть. Двухметровый гигант, бывший боксер-тяжеловес, мастер спорта, отставной офицер медицинской службы, воевавший в Афганистане в рядах спецназа ГРУ, потом наемник в Абхазии, Приднестровье и Боснии и в дальнейшем резидент Интерпола по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в Уральской зоне, в итоге оказавшийся в рядах нового подразделения Интерпола, уже в Москве – вот далеко не полный перечень его боевого пути. Внешняя колоритность, габариты, голос, длинные волосы и борода, а кроме того, стол, расположенный в центре комнаты, обманчиво показывали, что он здесь главное лицо.

– Сообщение из Лиона, – предупредил Доктор Смерть, сидящий, как обычно, перед компьютером в кресле, изготовленном для его нелегкого тела на спецзаказ. – С грифом «срочно». Фотографии сразу пускаю в распечатку...

– По какой линии? – поинтересовался, не вставая со стула, Ангел – Алексей Викторович Ангелов, отставной капитан спецназа ГРУ.

– Информационный подсектор сектора оперативных разработок... Циркулярная одновременно нам и в НЦБ для поиска, должно быть, по полной всероссийской картотеке МВД.

– Давно оттуда ничего не предлагали, – сказал сидящий в глубоком кресле у дверей Пулат – лучший друг Ангела, тоже отставной капитан спецназа ГРУ, которого друзья за глаза звали «маленьким капитаном», избегая, впрочем, произносить прозвище в присутствии самого Пулата. Он не слишком хорошо воспринимал намеки на свой невеликий рост. – Я на днях думал, что-то там созревает... Так всегда бывает – когда долго ничего не дают, потом что-то крупное сбросят...

– Судя по росту первого лица, в самом деле крупное... – вынимая из высокоскоростного цветного лазерного принтера первый лист распечатки фотографии, сказал Басаргин. – Конечно, это не наш Доктор, тем не менее человек высокий... Не меньше чем метр девяносто...

Доктор Смерть сразу поставил в принтере установку на печать в трех экземплярах, чтобы никому не обидно было остаться без дела. Вышло еще два листа и ушли по рукам, чтобы все могли полюбоваться. Самих фотографий было три десятка, так что полюбоваться снимками с высоким разрешением могли все.

– Где это он? – спросил Андрей Тобако, глядя не столько на человека, сколько на улицу города, где были сделаны снимки. – Что-то восточное. Индия или Пакистан. Какой-то приграничный город...

Андрей Тобако – бывший сотрудник подразделения «Альфа» еще первого созыва, участник легендарного штурма Дворца Амина в Кабуле, с которого и началась когда-то афганская война. Он вместе с Доктором Смерть стал первым пополнением в формируемом подразделении Басаргина, тогда еще состоящего из одного руководителя.

– Похоже на то, – согласился Басаргин. – Только почему это к нам прислали? Индия или Пакистан не входят в московские пригороды...

– Черный головной платок, – заметил «маленький капитан». – Такие на Кавказе носят.

– Наши клиенты сейчас чаще носят зеленый платок, – не согласился Доктор Смерть. – Принимайте следующего. Может, он объяснит... Второй человек... Только два снимка вместе с текстовкой... Запускаю...

Принтер издал слабый писк и снова заработал.

Второй человек, судя по всему, не был так высок, как человек в черном головном платке, и снимки, должно быть, были сделаны в другое время и в другой обстановке.

– Хорошее лицо, благородное... – сказал Ангел, еще не прочитав текстовку под снимком. Он любил воспринимать любого, противника или союзника, по лицу и утверждал, что по внешним признакам можно определить, чего стоит ждать от человека.

Читать текстовку начал Доктор Смерть, голос которого можно было бы услышать и на улице, если бы он захотел применить его таким образом. Сейчас, впрочем, это не показалось Доктору обязательным условием.

– Омар Рахматулла – так называют этого человека сейчас. Настоящее имя неизвестно. Предположительно по происхождению этнический чеченец. Последние двадцать шесть лет проживал в Пакистане, Индии, Афганистане, Саудовской Аравии, Катаре. Постоянного места жительства не имеет. Религиозный философ, писатель, автор нескольких книг религиозных притч, музыкант, владеющий всеми, практически, музыкальными инструментами. Основатель исламистской секты, отколовшейся от ваххабитского течения. Сторонник тайной войны и глубокого слияния с инакомыслящими для постепенного проповедования своих идей. Но, вопреки своей теории медленного проповедования, подозревается как посредник при финансировании террористических операций на Среднем Востоке и в Центральной и Средней Азии. Взят под негласный контроль всего четыре месяца назад. Материалы пересылаются нам,

поскольку Омар Рахматулла встречался с неизвестным и разговаривал с ним на чеченском языке. Запись разговора прилагается...

– А почему с неизвестным? – сказал молчавший до этого полковник Согрин, только что отложивший стопку первых фотографий в сторону. – Это очень даже известный человек... Тоже музыкант и композитор, только бывший... Джабраил Алхазуров, один из ближайших соратников Шамиля Басаева. Объявлен во всероссийский розыск...

– Надо было срочно передавать в международный розыск, – подсказал Басаргин. – Тогда Интерпол сработал бы оперативнее...

– Всех в международный не передашь, – не согласился подполковник Сохно, который в тесном гражданском костюме ощущал себя, как в мешке из стеклоткани, приходилось постоянно дергаться, поправляя рукава, и чесаться. – Он официально пока нигде не фигурировал как участник террористических актов. Обвинения в каких-то зверствах ему тоже не предъявляли. Разыскивается только как полевой командир. Хотя он какое-то время ходил даже в помощниках Басаева, тем не менее опять сильно не засветился. Алхазуров, по оперативным данным, Чечню не покидает... Поговаривают, что живет в пещере, где держит пианино... Мы даже искали его как-то... Нашли в пещере стульчик от пианино... Знаете, такой, вертящийся... Пианино, зараза, на себе, наверное, унес, а стульчик в карман, похоже, не поместился...

– Значит, покидает, – решил Тобако. – На фотографии он явно не в России... И даже не в СНГ... Просто на прохожих стоит посмотреть и на архитектуру... Здесь стиль есть...

– Распечатываю основной текст, – сообщил Доктор Смерть.

Принтер снова загудел.

– Дайте-ка мне полюбоваться на Омара Рахматуллу... – из своего привычного угла, где сидел постоянно, подал голос Дым Дымыч Сохатый, как звали обычно Дмитрия Дмитриевича Лосева, командира взвода спецназа ГРУ в Афганистане, откуда он был отправлен сразу на «зону» после «подставы», сделанной ХАДом³, человек сложной, парадоксальной судьбы и поклонник восточной философии. – Что-то я про него слышал...

3

Десять человек молча выстроились одной шеренгой посреди поляны. Все в возрасте, который для действующих боевиков становится уже обузой. Они сами еще не знали, что им предстоит, и потому слегка волновались из-за необычности ситуации. Юрка Шкурник вместе с Джабраилом, которого в здешних местах знали все не только по военному, но и по довоенному времени, когда он только изредка появлялся в родных краях, но появлялся со славой, прошли перед строем в одну и в другую сторону. Вроде бы присматривались в темноте. Хотя присмотреться было трудно. Луна упорно пряталась за тучами, и ночь казалась почти непроглядной. Тем не менее Шкурник видел и даже чувствовал, с каким трепетом ждет строй слов Джабраила. Его личных слов они, его бойцы, никогда так не ждали, и оттого раздражение и на Джабраила, и на этих ублюдков возрастало.

– Документы у всех забрал? – спросил Джабраил.

– Забрал... – с усмешкой кивнул Юрка Шкурник. – Только зачем им документы, если они смертники...

Говорил он громко, с каким-то злорадством, и слова эти слышали все. По строю прошло легкое беспокойное шевеление, но вопрос задать никто не решился, потому что Юрка Шкурник на руку всегда был скор. Умением выстрелить первым он и достиг своего нынешнего положения. Но когда другие нашли из такого же положения выход, Шкурнику такой выход не представился. И из-за этого он тоже порой нервничал, от отчаяния называя себя последним

---

³ ХАД – служба безопасности Афганистана периода советской оккупации.

борцом за независимую Ичкерия. Хотя того же Джабраила уважали в горах и лесах несравненно больше, чем последнего борца. Уважения и поклонения Шкурнику всегда хотелось и всегда не хватало. Так и сейчас. Все знали, что последний борец просто оказался никому не нужным там, куда перебрались другие, которые не только стрелять умеют, но и головой думают. Однако Табиб мечтал все-таки денег подкопить и перебраться сначала в Грузию, где мог бы сгодиться спецслужбам для борьбы с абхазами или осетинами, а потом, заработав дополнительно, и в Турцию, где к единоверцам относятся снисходительно и не всегда сообщают в полицию, если появляется новый человек с темным прошлым.

– Что, смертники, жить-то хотите? – Юрка Шкурник зычно захохотал, пытаясь издевательством заглушить жгущую душу зависть.

В обычной обстановке он никогда не разговаривал со своими людьми так. Понимал, что может бой случиться, и от пули со спины его не спасет собственное умение стрелять первым. Но сейчас, зная, что этих людей у него забирают, он мог себе позволить и откровенную грубую насмешку. – Вас спрашиваю... А?..

Из строя никто не ответил. Там в самом-то деле стояли совсем никчемные бойцы, положить на которых в критической ситуации – все равно что не обращать внимания на топор, занесенный над головой. Они и в бою-то патроны не тратят. А когда с них спрашиваешь за это, начинают, наоборот, стрелять из всех сил... Небо дырявят... Да и старики к тому же, которые приличный марш-бросок уже не выдержат... Терять таких не слишком жалко. Особенно за сто тысяч баксов, которые Джабраил должен был привезти с собой. Раньше, бывало, за пустяки платили больше. За сто тысяч никто свой отряд поднимать бы не стал. Сейчас времена переменялись. Приходится так вот, как нищий, удовлетворяться подачкой.

– Ладно, не дрожите, я пошутил. Я просто продаю вас Джабраилу. Пусть он теперь за вас, никчемных, отвечает. Я даже не знаю, чего он от вас хочет, слово командира даю. Я бы за таких и денег платить не стал. Скажи, Джабраил, всем, чтобы слышали.

Джабраил остановился рядом с Юркой Шкурником, затылок которого едва доставал ему до плеча. Руки за спину убрал и шеренгу оглядел. Но слова подбирал, как показалось, долго, хотя наверняка должен был продумать свою речь заранее:

– Я скажу... Про новую амнистию все, я думаю, слышали?

Джабраил коснулся болезненной темы. Об амнистии в отряде разговаривать было нельзя. За это расстреливали сразу, стоило кому-то шепнуть Табибу. Шеренга шевелилась, но не отвечала.

– Вот я и плачу вашему командиру деньги, чтобы по домам вас распустить... – продолжал между тем Джабраил, чувствуя, как напрягся рядом с ним сам командир боевиков. Юрке Шкурнику говорили, что Джабраил задумал какую-то сложную операцию, связанную с амнистией. Но не следовало бы здесь, рядом с остальными, поднимать эту тему. Мало ли что кому-то в голову попадет и как прочно там осядет. – Вы, я слышал, все имеете строительные специальности. Так?

– Так вроде... – несмело раздалось из строя.

– Вот я и хочу сделать из вас строительную бригаду... Вместе будете... Как сейчас... Но уже закона бояться перестанете... Вас такое устроит?

Ответить сразу никто не решился. Потом на вопрос Джабраила прозвучал встречный вопрос:

– Так что с амнистией-то?

Так и должно было быть, понял Джабраил. Этим людям сейчас не до строительства, не до чего-то иного, и объяснять им что-то, тем более брать с них какие-то обязательства – дело бесполезное. У них у всех сейчас сердце бабочкой трепещет. На что угодно пойдут, чтобы их отпустили. Но одно спросить необходимо. Вернее, потребовать, и достаточно категорично:

– Я плачу деньги и ставлю вам свои условия... Условия категоричные, за послушание – смерть. Итак. Вы сдаетесь сегодня же... Сдаетесь без документов, потому что ваш командир забрал их. Но подтвердить вашу личность смогут другие люди. И вы вынуждены будете получать новые документы. По получении документов из вас будет организована строительная бригада, которая поедет на заработки в Москву... Запомните, не свои дома ремонтировать, потому что ремонтировать у вас просто не на что, а поедете на заработки в Москву. Многие из вас знают хромого Александэра... Знаете?

– Знаем, – не очень уверенно ответили из строя.

– Его сын владеет в Москве строительной фирмой. Он возьмет вас к себе на работу.

– И в Москве мы будем?.. – опять прозвучал невнятный вопрос.

– В Москве вы будете просто строителями. Только работать, и больше ничего...

Согласны?

– У нас там будет оружие?

– Вам там не понадобится оружие...

Строй загудел...

– Согласны?

– Еще бы.

– Согласны.

– Согласны.

– Хоть сейчас.

– Именно, сейчас! – твердо сказал Джабраил. – У выхода с поляны, на нижней тропе вас ждет капитан милиции Ахмат Хамкоев. Вы все его хорошо знаете... Он отведет вас в отделение. Два-три дня отсидите, пока разберутся. Оружие сдадите. Можете идти.

Строй повернулся резко и перестал быть строем. Это уже толпа рванулась к выходу с поляны, и каждый стремился обогнать другого. Вышла из-за туч луна и хорошо осветила путь вчерашним боевикам.

– Зачем тебе это надо? – скривив рот и скосив глаз, ехидно спросил Юрка Шкурник. – Хочешь на строительстве заработать?

– Да. Кто-то из русских писателей сказал, что человек за свою жизнь обязан построить дом, посадить дерево и вырастить ребенка. Мой построенный дом разрушила война, мои деревья вырублены на дрова, мои дети растут за границей без отца... Хочу наверстывать упущенное.

Юрка Шкурник хмыкнул, конечно же, не поверив...

* * *

– Давай паспорта.

Юрка Шкурник долго копался у себя в объемном вещевом мешке и выложил на пенек стопку из десяти паспортов.

– Жалко отдавать, самому бы сгодились...

– Тебе за это оплата идет. – Джабраил перекинул из-за плеча свой вещевой мешок и одну за другой вытащил десять пачек в банковской упаковке.

– Считать будешь?

– Ты считал? – переспросил Табиб.

– Мне это не надо. Я в банке получал. Банкам я привык доверять...

Юрка Шкурник вздохнул. Его нелюбовь к арифметике знали все.

– Ладно, я банкам тоже привык доверять, – сказал значимо, словно хоть раз в жизни бывал в настоящем банке.

* * *

Дежурный по горотделу сразу доложил начальнику о таком знаковом событии. Начальник сразу примчался на личной «Волге», не дожидаясь, пока за ним подошлют служебный «уазик». Да ему мчаться-то было всего два коротких квартала по той же самой улице. И, только мельком взглянув из окна «дежурки» во внутренний дворик райотдела, где, прислонившись спинами к стене, сидели на бревне сдавшиеся боевики, поспешил к себе в кабинет, чтобы доложить по инстанции в Грозный и, естественно, созвониться с дежурным по городскому отделению республиканского управления ФСБ, поскольку это дело и их касалось напрямую. Сейчас, когда предстоит разбираться, ФСБ уже можно и подключать. Это раньше с ними связываться не стоило, чтобы всю честь такой победы себе не забрали. Раньше? А это когда? Раньше сам начальник городского отдела сам ничего не знал о предстоящей сдаче сразу десяти боевиков, прошедших с оружием. Сделав необходимые звонки, начальник горотдела позвонил дежурному:

- Кто, говоришь, их привел?
- Капитан Ахмат Хамкоев, товарищ подполковник.
- Где он сам?
- Здесь сидит. Вы мимо него прошли.
- Гони его ко мне.

Подняться на второй этаж – времени не много надо. Капитан поднялся, робко постучал в дверь и вошел сразу после приглашения. Подполковник рассматривал его так, словно впервые видел. Да это, скорее всего, так и было в действительности. То есть он видел его раньше многократно, но внимания не обращал на этого круглолицего и добродушного капитана, считая его никем и ничем. И зря не видел, что маленькие глазки на улыбающемся лице очень уж хитрые. И вот оказалось, что этот хитроглазый капитан в одиночку сделал то, что давно уже не удавалось сделать в горотделе никому.

- Расскажи, Ахмат... Я правильно тебя называю, ничего не путаю?
- Правильно, товарищ подполковник.
- Расскажи, Ахмат, как ты сумел такое большое дело в одиночку проверить... И ведь слова никому не сказал... Не сразу ведь, наверное, получилось?
- Родственник, товарищ подполковник, ко мне заглянул... Сказал, что люди из леса амнистией интересуются... Я и сказал, что пусть ко мне приходят... Сначала пятеро пришло, на следующий день еще пятеро...

Подполковник машинально выдвинул ящик стола и сразу задвинул назад. Там у него лежало донесение стукача-соседа, что две ночи подряд в дом к капитану милиции Ахмату Хамкоеву приходили пять человек. Без оружия, но на гостей были не похожи... Так вот, значит, кто к нему приходил. И хорошо, что сразу на донесение не среагировал, иначе мог бы сорвать дело...

- И что ты им объяснил?
- Нам текст обращения председателя антитеррористического комитета на руки раздали. Я все по тексту зачитал... У них единственная заминка вышла... Их командир – Юрка Шкурник – видел, к чему дело идет, и документы у всех забрал. Но разве дело, я подумал, в документах? Родственники у каждого есть, опознают и подтвердят... В остальном прокуратура разберется... Но я не обманывал, честно им говорил, что разбираться будут всерьез... На ком крови нет, милости просим...
- Это верно...
- А потом мы в лесу встретились, как и договаривались. И я привел их сюда. Оружие сам разрядил, потому что все оружие унести не мог... Они уже здесь его сложили... Рожки я отдельно в рюкзачке поставил...

– Быть тебе, капитан, майором вскоре! – Подполковник даже кулаком по столу стукнул, но не сердито, а радостно, потому что себя уже полковником увидел. Представление на очередное звание давно в министерстве лежит. Теперь уже в долгий ящик не отложат...

– Я, товарищ подполковник, не против...

– И не забывай, когда спрашивать будут, что ты действовал с моего разрешения и все свои действия со мной согласовывал...

– А как же, товарищ подполковник. – Глазки капитана Хамкоева понимающе блеснули. – Иначе на службе никак нельзя...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Джабраил Алхазуров сидел дома у Ахмата, пока тот чувствовал себя героем в горотделе милиции, и с печалью в глазах листал свои старые нотные тетради, которые берег и возил с собой повсюду, куда бы судьба его ни забрасывала. Именно их он считал главной ценностью своей жизни, именно они показывали ему, чем он был когда-то. Он не открывал эти тетради уже много лет. Просто возил с собой, но не открывал умышленно, не желая совмещать настоящее с прошлым, потому что они несовместимы. Теперь не выдержал, открыл – место, наверное, сказалось, близость к родному дому. И расслабился... Непростительно расслабился... Теперь и руки очень просились к инструменту, но об инструменте пока следовало забыть, как о какой-то несбыточной мечте. Во-первых, в доме капитана милиции такого предмета и быть не может, потому что Ахмату в детстве медведь на ухо наступил, во-вторых, как только соседи услышат звуки музыки, они сразу заподозрят неладное. Ни к чему подвергать себя и Ахмата вместе с семьей излишнему риску. Можно просто сидеть, читать ноты и слушать свою музыку. Так Джабраил и делал, и пальцы сами собой пробегали по краю стола, словно клавиши искали. Это было болезненное, мучительное, но сладкое состояние. И ничего страшного, что стол был круглым, а клавиатура никогда такой не бывает. Даже с закрытыми глазами Джабраил представлял себе каждую октаву, каждую клавишу инструмента, и по-настоящему слышал ушами то, что было у него самого в душе. Джабраилу казалось, что он в состоянии написать нечто гениальное. Ему не однажды уже приходила в голову такая мысль, но сейчас, когда перед ним открывается перспектива большой самостоятельной операции, он не только в ней свою силу чувствовал, но чувствовал ее и в творении музыки. Пусть пока только в мысленном творении. Придет время, все изменится... Он обязательно напишет что-то такое, что будет отражать все его внутреннее состояние, весь тот трепет, страх, отчаяние и жажду подвига, что переплелись в сердце в тугие неразрывные узлы... И обязательно начало должно быть сопряжено с плачем, и конец тоже должен быть таким же. Джабраил видел это, как первоначальный плач своего народа, органично перерастающий в гнев и вызывающий чужой плач... Нечто подобное... Нечто подобное – но в музыке... Потому что музыка – это тоже частица жизни...

* * *

Счастливый и довольный не только удачным началом операции, но и возможным началом своего карьерного роста, Ахмат вразвалочку вошел во двор, приветливо, хотя и с привычной опаской, потрепал по зашивке Алана, не подавшего голос на шаги с улицы, потому что походку хозяина узнавал издали, и увидел свет в окне угловой комнаты. Тихо, чтобы не скрипнул камушек под ногой, он прошел к окну и встал на цыпочки, чтобы заглянуть за стекло. Штора была опущена, но в уголке оставалась щель, и Ахмат увидел Джабраила, сидящего с закрытыми глазами и в непонятном ритме перебирающего пальцами по краю стола. Ахмат понял, что его бывший командир – хотя почему бывший, он и сейчас его командир! – Джабраил музицирует на столе, за неимением инструмента под рукой. И решил не беспокоить его и не входить в дом, потому что скрипучие половицы обязательно выдадут его, а мешать не хотелось, да и вообще самому Ахмату лучше было бы побыть одному и помечтать. Помечтать и подумать ему было о чем... И мысли, занявшие голову сейчас, не впервые появились в сознании. Уже много раз Ахмат думал о том, насколько приятнее вот эта его, нынешняя жизнь той, что осталась позади, у лесных костров. Уважаемый и авторитетный, значимый человек, которому вдобавок ко всему

добавляют звездочку... Вернее, обещают поменять четыре маленькие на одну большую. А это значит, что и дальнейший карьерный рост возможен. Капитанов много, капитанов не замечают. А майор – это уже старший офицер. И стоит ли все это менять на неверную судьбу изгоя? И готов ли сам Ахмат к этому? Скажет сейчас Джабраил – бросай все, бросай дом, службу, бросай семью и уходи вместе со мной. А ведь он так сказать может. Уйдет Ахмат? Нет, не уйдет. Тогда зачем он рискует, зачем он время от времени выходит в темноте из дома вместе с другими людьми Джабраила, зачем выставляет на дороге фугасы? Ведь так легко потерять все, что есть сейчас... Маленькая ошибка, и опять бежать в лес, становиться преследуемым волком... А волкодавов вокруг множество... Чего ради?

Пока ситуация такая, что удастся ловко варьировать, избегая крутых поворотов, между делами Джабраила и службой. И даже одно, как сегодня, другому помогает... Но не век же это будет длиться... Когда-нибудь настанет конец... И как он, этот конец, подкрадется? Тот, кто подкрадывается, всегда старается до поры до времени оставаться незаметным... Да мало ли в жизни случайностей... Вот даже такой вариант взять... К хрому Александру постоянно приносят домой то неразорвавшиеся снаряды, то мины, то еще что-нибудь... Александр любит работать в одиночестве, в тишине и покое – дома, в плохо освещаемом бетонном подвале... Он большой специалист по взрывным устройствам. Самые невероятные, самые хитрые взрывные устройства придумывает. Его мину-ловушку могут только собаки по запаху обнаружить. Люди – никогда... Но у человека, постоянно работающего со взрывчатыми веществами, руки, кожа, волосы пропитываются характерным запахом. И этот запах невозможно убрать мылом. Он, наверное, и в кровь впитывается... Недавно Ахмат был на профессиональной учебе, и перед ними выступал криминолог-одеролог⁴, который рассказывал именно про это. А учует собака запах Александра, и что тогда? Всякое случиться может... Может быть, обыщут, ничего не найдут и отпустят... А может, и проверять начнут. Домой заглянут, в подвал спустятся... Вот уж ахнут, когда поймут, кого собака обнаружила... Давно этого специалиста по минам-ловушкам по всей Чечне ищут... А он не в лесной пещере, он здесь, в Гудермесе, у себя дома работает, где никто такой наглости от него не ожидает. Начнут дальше искать. Кто лучший друг хромого Александра? Ну, если уж и не друг, то с кем он чаще всего общается. С майором милиции Ахматом Хамковым – найдутся любители доложить, которым наверняка не понравится, что Ахмат из капитанов к тому времени уже майором станет. После этого и к Ахмату станут присматриваться. Не показывая этого открыто, но пристально. Начнут проверять. И что-то найдут же. Всегда можно что-то найти, если знать, в какой стороне искать.

А чувствовать себя майором приятно. Пусть начальник горотдела только пообещал майорские звездочки. Все равно приятно. Майора уважают, конечно, не как капитана. И должность у майора будет другая. Подыщут что-нибудь подходящее. Город большой. Может, даже какой-то райотдел в подчинение дадут. Там уже – власть. Не всю же жизнь в чьем-то подчинении ходить. И самому чувство власти испытать хочется.

Так и просидел он на крыльце, мечтая и размышляя, минут двадцать, пока, наконец, Джабраил сам не вышел к нему. Собака и на Джабраила не залаяла, привычно принимая его за своего.

– Ты уже здесь, товарищ капитан? А что в дом не заходишь?

Обращение «товарищ капитан» тогда, когда только что чувствовал себя майором, резануло по сознанию, показалось обидной насмешкой над мечтами, почти издевательством, возвращающим назад, ближе к лесному прошлому. Но Ахмат, проглотив подступивший к горлу ком, вида не подал и только улыбнулся, как привык улыбаться всегда, чуть виновато. Рано ему еще что-то показывать. Стоит потерпеть, стоит...

– Вечер сегодня хороший...

⁴ Криминолог – специалист по работе с остаточными запахами.

– Давно пришел? – Джабраил приветлив и грустен, насколько может быть приветливым и грустным командир с подчиненным, если желает сохранить за собой начальственные функции.

– Пять минут назад. Сижу, воздухом дышу. Хорошо, когда воздух вокруг есть. Это не Москва. Я в Москве больше двух дней вытерпеть не могу. Как только они там живут, местные-то. Да и другие, кто туда тянется. Вот, думаю, ума у людей, как у ужа.

Это была слабая попытка загодя подготовить Джабраила к тому, что Ахмату невозможно в Москву вместе со всеми ехать. Джабраил не сказал еще, кто поедет. Но Ахмату никак нельзя. Иначе прощайте, майорские звездочки! А это ведь, понятно, не одному ему надо... Это и Джабраилу выгодно. Там, глядишь, и следующее звание высветится... А поддержка от большого милицейского чина всегда может понадобиться. Поддержка и прикрытие... Свой ведь человек будет, не какой-то купленный, каких полно, и которые всегда перепродаться готовы...

– Пойдем в дом, – позвал Джабраил. – Расскажешь, как все прошло. Я давно тебя жду...

* * *

Джабраил прочно уже освоил место за круглым столом. Сейчас и ноты на соседний стул убрал, чтобы не отвлекали внимание. И слушать приготовился.

– Хорошо все прошло. Первым дежурный начальника горотдела вызвал. Тот чуть не прыгал от радости. Меня позвал, просил сказать, что мы вместе с ним боевиков уговаривали, пообещал скоро майором сделать. Конечно, я согласился. Майор – это уже старший офицер. Майор и знает больше, и власти имеет больше. Нам это выгодно.

Ахмат паузу выдержал и глаза-бусинки насторожил, чтобы проверить реакцию Джабраила на сообщение. Слово «нам» было произнесено особо, со смыслом. Выгодно не только самому Ахмату, но и Джабраилу, понятно, тоже.

– Это хорошо, – сказал Джабраил, глядя на скатерть. Скатерть всегда белая. Интересно, замечает он, что жена Ахмата каждый день скатерть на свежую меняет. Одну стелит, другую стирает и крахмалит. – Что дальше?

– Потом из ФСБ приехали, велели после допросов всех десятерых до утра во дворе держать и раздать им оружие без патронов. Утром с телевидения приедут, снимать будут. Из Грозного позвонили, так велели... Снимать будут так, чтобы они подошли к зданию горотдела вместе со мной... И сложили у порога автоматы... А там уже целая комиссия их принимать будет... К восьми утра меня вызывают... Чтоб еще затемно подготовиться...

– Комедию ломать они любят, – согласился Джабраил. – А что с документами? Проблемы были?

– Я этот вопрос сразу заострил. Начальнику сказал, что уговаривал парней и без документов сдать, потому что у каждого родни полно – опознают. Если я обещал, что все будет в порядке, получается, что это обещал он, раз мы вместе с ним дело делали. Он купился.

– Про Юрку Шкурника разговора не было?

– А что со мной об этом говорить. Об этом с ними в ФСБ говорить будут. Завтра еще и из прокуратуры пожалуют. Тоже Косым Шкурником интересоваться будут.

– Пусть интересуются. Ты сказал, что говорить?

– Всю правду. Где базы. Что планирует.

– Хорошо бы, чтобы данные до кадыровцев дошли. Тогда его живым брать не будут. Шкурник участвовал во взрыве старшего Кадырова.

– Должны прийти, кадыровцы на каждую «сдачу» приезжают. Пополнение ищут.

– Это плохо. Наши не уйдут?

– Особо предупреждал. Хотят заниматься строительством. Воевать надоело. Да они и по возрасту не тянут. Старичье.

– Будем надеяться. Завтра утром, как вернешься, сразу Расскажи...

2

– Есть какие-то соображения? – спросил Басаргин, когда все ознакомились с текстом, присланным из Лиона. – Начнем с главных знатоков «чеченского вопроса»... Итак, мы слушаем наших славных представителей армии, пока они еще представляют ее и не стали полностью представителями международных ментов...

Александр Игоревич во время размышлений и анализа ситуации любил медленно ходить по кабинету от двери до окна. Во время таких «прогулок», как сам он утверждал, лучше думается благодаря идеомоторному акту. Сейчас в кабинете было тесно. Тем не менее прогулку он уже начал, с единственным отступлением от обычных правил – пришлось слегка лавировать между стульями, но это не слишком ему мешало.

– Нового мало. – Подполковник Сохно первым высказал мнение знатоков «чеченского вопроса», полагая, что такой термин вполне заслужен, поскольку группа полковника Согрина несколько последних лет, исключая небольшие перерывы, проводила именно там. – Начнем с самого главного. Боевики, сложившие оружие, оружия, как правило, не складывают. Видели бы вы, что за оружие они сдают. Автоматы, из которых никто стрелять не решится, потому что там весь затвор ржавчиной проеден. И остальное такое же, даже ножи. Бывают, правда, исключения, но чаще боевое оружие они прячут.

– Думаю, в большинстве просто на всякий случай, – добавил полковник Согрин, на котором в отличие от Сохно гражданский костюм сидел вполне сносно. – Они приходят на «сдачу», потому что им самим воевать надоело и чувствуют уже, что толку от их войны мало... Может быть, даже не так... Так только говорят, а в подсознании сидит другое... Не толку от войны мало, а их война стала слишком опасной для них самих... Они по-настоящему сдаются... Но, если будет новая большая война, готовы на нее пойти со спрятанным оружием... Вот и все... Однако вопрос оружия вовсе не главный. Тут еще один вопрос есть, и очень существенный...

– Какой – я думаю, понимаю, – сказал Басаргин.

– Его трудно не понять, – поддержал своих товарищей Кордебалет. – Вся эта заварушка в Чечне длится больше пятнадцати лет. Среди боевиков только старшее поколение умело когда-то работать и имело гражданские профессии. Остальные выросли во время войны из детей и подростков и просто не имели возможности гражданские профессии, как и образование в пределах начальной школы, получить. Они гвоздь вбить не могут, потому что не знают, каким концом он вбивается в стену, а по какому концу следует молотком стучать. Да и сам молоток в руках никогда не держали. И имеют единственный устойчивый навык – убивать и грабить. Ну, предположим, часть из них пойдет куда-то служить... Кадыровцам или в милицию... Но там, понятное дело, тоже хлеба на всех не хватит. Республика невелика, собственной армии не имеет, и ей просто ни к чему такие мощные силы безопасности... Но и учиться забивать гвозди им тоже не слишком хочется. Более того, они рабочих людей от всей своей абрекской души презирают. Не любят они, честно говоря, это дело. И что мы в итоге получим? Мы получим тех же самых боевиков, которые, за неимением возможности жить в Чечне так, как они привыкли, разъедутся по России, чтобы укрепить силовые составляющие чеченских диаспор в российских городах – станут заниматься рэкетом или откровенным грабежом. Вот результат подобной амнистии, при которой государство, чтобы вытащить из грязи одну ногу, ставит этой ногой себе же подножку.

– Вот за такие-то мысли вас всех и выгнали на пенсию... – пробасил Доктор Смерть. – Впрочем, я соглашусь с тем, что человек пенсионного возраста гораздо более мудр, чем действующий государственный чиновник... Он чужие ошибки видит, а чиновник на своих не учится до тех пор, пока по шее не получит...

– Чувствуется, что ты давно уже с армией расстался, – не остался в долгу подполковник Сохно. – Думаешь, что российская армия сильно отличается от советской. Твои мысли никого не интересовали там, как не интересуют здесь. И за это из армии не выгоняют. Ни просто так, ни на пенсию...

– Ладно, оставим пикировку. – Басаргин предпочел быть серьезным. – Джабраил Алхазуров желает не просто усилить составом чеченский рэкет в России. У него свои конкретные планы, в которых он хочет использовать амнистию как прикрытие. Что мы должны предпринять? Основная задача естественна. Необходимо отыскать Алхазурова, поскольку сам он амнистии не подлежит... Или хотя бы его следы. Проконтролировать все его связи, взять под пристальное наблюдение весь район, где он имеет влияние. Отыскать тех, кто с ним был наиболее тесно связан. Работы, я понимаю, на целую правоохранительную систему. И потому действовать нам придется в открытую со всеми возможными заинтересованными структурами.

– Да, я уже подготовил материал для Астахова, – сообщил Доктор Смерть, хорошо понимающий, с кем предстоит сотрудничать в первую очередь.

Генерал Астахов из штаба «Альфы» давно уже сотрудничал с интерполовцами и в обмене информацией, и в оперативной деятельности. И инициатива Доктора выглядела естественной.

– Позвони ему предварительно, – посоветовал Басаргин.

– Зачем? – не понял Доктор.

– Я подозреваю, что из НЦБ материал тоже перешлют, если еще не переслали. Ни к чему дублировать.

Доктор Смерть пожал плечами, словно горы пошевелил, по памяти набрал номер и тут же включил на аппарате спикерфон, чтобы разговор был слышен всем. Генерал ответил сразу, через определитель сообразив, кто звонит:

– Слушаю вас внимательно, Виктор Юрьевич.

– Вечер добрый, Владимир Васильевич. Давно не виделись... Собираюсь вот вам переправить некое послание из Лиона... Должно вас, кажется, заинтересовать...

– Если это касается Омара Рахматуллы, то можете не стараться, нам уже переслали из НЦБ. Они сработали оперативнее вас.

– Рад не стараться, товарищ генерал. – Доктор Смерть ответил почти по-уставному, и это вызвало общую улыбку.

– С Рахматуллой все ясно, только добраться до него мы пока возможности не имеем в отличие от ваших коллег в Лионе, которые почему-то не торопят события. Что касается второго человека... Я как раз отправляю фотографии второго человека в поиск по картотеке.

Доктор Смерть обрадовался возможности быть полезным.

– А в этом, товарищ генерал, можете не стараться вы. Мы второго уже опознали. Это один из сподвижников Басаева, некий Джабраил Алхазуров, то ли пианист, то ли гармонист, не знаю точно, но что террорист, ручаюсь...

– Известное имя... Тогда я сразу запрашиваю досье на него. Вам тоже хотелось бы заглянуть в это досье? Полагаю, ваш звонок вызван именно этой просьбой?

– Вы очень проницательны, товарищ генерал, – быстро сориентировался Доктор Смерть, хотя раньше запрашивать досье в «Альфе» вроде бы никто не собирался.

– Я перешлю сразу же, как только сам посмотрю. Или, если не возражаете, сам завезу... Прямо к вам в офис.

– Конечно, поговорим, обсудим, – согласился Доктор, словно генерал просил его о важном разговоре.

Отключив телефон, Доктор осмотрел всех.

– У генерала сегодня хорошее настроение, – сообщил удовлетворенно.

Это было действительно странным. Обычно из «Альфы» сведения удавалось получить только тогда, когда генерал был уверен, что он в ответ получит сведения втрое более

важные. А тут предложил сам, и, более того, сам же вызвался приехать, несмотря на свою традиционную занятость.

– У генерала сегодня отвратительное настроение, – не согласился Басаргин.
– Почему? – не понял Тобако.
– Ты, Андрей Вадимович, распечатку разговора внимательно читал?
– Могу повторить с небольшими искажениями.
– Что за диск они просматривали? Помнишь?
– Выступление председателя антитеррористического комитета...
– Выступление директора ФСБ, который еще и председателем по совместительству является. Следовательно, он выступает в данной ситуации одним из авторов, по крайней мере публичным инициатором очередной амнистии боевикам. И, активно включаясь в разработку по данному делу, генерал Астахов будет выставлять себя противником инициативы своего высшего командования. То есть выступит против инициативы директора. А ему этого очень не хочется, поскольку генерал еще не торопится на пенсию. До того не хочется, что он готов всю работу и всю ответственность свалить на нас... Понимаешь?

– Не мальчик, сам службу помню... – Тобако задумался. – И даже понимаю теперь, почему Лион выслал сообщение не только нам, но и в НЦБ. Чтобы НЦБ доложило текст и в «Альфу», и в свой антитеррористический центр. Только никак не пойму, хорошо это для нас или плохо?

– И не хорошо, и не плохо, потому что нам помогать будут, но молча и только информацией. Хотя в последний момент, когда возникнет реальная угроза, естественно, включатся со всех сторон, чтобы урожай собрать. А вот все предупредительные работы придется выполнять нам... Прополка, окучивание, поливка, что там еще...

– Асфальтирование, – добавил Сохно. – Вспашем, поседем и заасфальтируем... Короче, мне лично ситуация видится так, что, пока нам не оформили документы, требуется срочно переодеться в приличную боевую одежду, в Чечню стремительно лететь и за ноги трясти всех возможных осведомителей...

– Я согласен с Толей, – серьезно сказал полковник Согрин. – Хотя для него это, кажется, только возможность переодеться, а в действительности, без тщательного опроса осведомителей мы ничего добиться не сможем... Отсюда мы никак не определим местонахождение Алхазурова, даже если будем на всех вокзалах и дорогах хватать за ноги всех лиц кавказской внешности, кто ростом приближается к ста девяносто...

– Не получится... Мочиллов командировку зарежет... – вздохнул Кордебалет. – Он вчера жаловался, что за семь месяцев израсходовал полтора годовых командировочных фонда. Его, кажется, за это основательно взгрели... Фонды есть фонды... Не пустит...

– У нас, кстати, командировочный фонд не лимитирован, – сообщил Басаргин. – Командировку можем профинансировать мы. Пригласите сюда Мочилова. Прямо сейчас. При генерале с ним будет легче договориться.

– Может быть, – согласился Согрин и не стал пользоваться стационарным аппаратом, а просто вытащил трубку своего спутникового телефона. Игорь Алексеевич знал, что на звонок с этой трубки Мочиллов ответит сразу, даже если спит с женой...

3

После расставания с Джабраилом Юрка Шкурник начал глазом косить сильнее, что случилось с ним в моменты особого возбуждения, и не поспешил покинуть место встречи, задумавшись надолго. Нехорошие чувства бродили в душе у Шкурника. Да, Джабраил расплатился сполна, больше чем вдвое сократив численность отряда Табиба, и Табиб даже пересчитывать деньги не стал, потому что это не единичные шкуры крупного рогатого скота – денег много, а сбиться легко. Да и верить Джабраилу можно, он не слывет обманщиком. Но больно задело

Табиба другое. Рассчитываясь, Джабраил вытаскивал пачки из своего вещмешка по одной. И не смотрел, что за пачка. Значит, во всех пачках были стодолларовые купюры. Но, насколько смог Шкурник определить, в вещмешке осталось по крайней мере в два раза больше, нежели Джабраил передал ему. Может быть, даже и в три раза, хотя зависть всегда имеет способность увеличивать чужие капиталы.

Проявить свою реакцию Юрка сразу не решился. Да и не сработала эта реакция. Он всегда был не слишком быстр на решения, если дело не касалось необходимости выстрелить первым. Тогда что-то в голове щелкало, и он стрелял. В другой обстановке скоростные умственные процессы Шкурнику всегда давались с трудом, и он любил подумать, прежде чем что-то сделать. Только когда Джабраил удалился и какие-то страхующие фигуры присоединились к нему в темноте, Юрка Шкурник понял, что он упустил возможность сразу разбогатеть настолько, что мог бы позволить себе уже сегодня убраться из Чечни подальше и навсегда. Бросил бы всех, взял бы с собой только пару самых верных, самых надежных людей, которые за него готовы головы положить, и убрался – в Турцию, в Эмираты, в Пакистан, в Малайзию, даже в Южную Америку... Везде чеченцы уже есть. Лишь бы подальше. Там с этими деньгами прожить можно спокойно и себя не утруждая. Только свидетелей оставлять нельзя, потому что кара настигает того, кто свидетелей оставляет...

Но сейчас не вернуть ситуацию – Джабраил ушел и деньги унес. И теперь уже до этих денег добраться трудно.

Нет... Не так все-таки вопрос надо ставить... Трудно или невозможно? Это необходимо сразу определить, чтобы не ломать зря колья о чужие головы и свою не подставлять. Скорее всего, возможно... А что касается трудностей, то их Табиб не боялся.

Он поднял голову и протяжно завыл волком. Юрка Шкурник с детства умел здорово волку подражать – пугал взрослых в своем селе, заставлял их с ружьями на улицу выбегать, и даже собак в заблуждение вводил – заставлял выть и беситься от ярости. А теперь этот звук стал основным сигналом в его отряде. Теперь все посты соберутся к нему. Нечего уже стоять по окраинам поляны и страховать, когда Джабраил ушел.

Но решение Табиб уже принял...

* * *

Боевики собирались медленно и подходили вразнобой. Оно и понятно. Посты были расположены на разном удалении от центра, иначе нельзя было проконтролировать все подходы одновременно. А когда все собрались – восемь человек, – Юрка ткнул пальцем в одного и во второго, в тех, с кем и думал бы уйти за границу, потому что в их верности не общему делу, а себе лично не сомневался.

– Паленый и Беслан – остаетесь со мной. Остальные – на базу. Ждете меня двое... Нет, трое, пожалуй, суток... Да, трое суток. Если не вернусь, переходите в верхнее ущелье. Ждете там.

Он опять косил глазом сильно, и потому никто не мог понять, что Табиб решение принял...

* * *

Принятие решения еще не означало начало действия. Это – как приказ, зачитанный с листа бумаги, но не начавшийся исполняться. Всегда стоит все предварительно обдумать, прежде чем попробовать ногой опасную тропу. Тропа проходит над крутым склоном ущелья, и по неосторожности очень легко «загреться» с верхотурья вместе со всеми своими решениями. Падать не больно, только страшно. Приземляться больно. И обидно, потому что тогда уже все

твои предыдущие старания, вся твоя предыдущая жизнь ничего стоять не будут. Поэтому следует много раз подумать, прежде чем ступить на тропу. То есть думать стоит не о том, ступить или нет. Решение принято! Думать необходимо о том, как не оступиться.

Сразу за поляной, если идти не в сторону Гудермеса, а вправо, будет небольшой, но глубокий и извилистый овраг, практически не просматривающийся ни с одной точки. Юрка Шкурник от мыслей ли своих, еще ли отчего почувствовал легкий озноб и повел своих помощников в этот овраг, где ручей бежит только по весне, а сейчас почти сухо, и можно костерок развести, и протянуть к языкам пламени руки, чтобы озноб убрать. При ознобе ему всегда плохо думается. А костерок обычно помогает, снимает напряжение, дает покой душе и неторопливую ясность голове. Большой костер помогает лучше, но разводить большой костер поблизости от большого города неразумно. Отблески пламени сразу заметят и быстро здесь же «накроют»...

Пламя принялось легко, стремительно, заиграло неверными язычками, принесло тепло, не дающее дыма, и только здесь, подстелив бушлат на камень, выбранный местом для сидения, Шкурник понял окончательно, что он сделал, еще не вникая мыслями в суть происходящего. А сделал он одно серьезное дело: он просто предал шестерых своих товарищей. Тех, кого отправил на базу. Наверняка менты начнут допрашивать сдавшихся боевиков, и те укажут месторасположение базы. Более того, чтобы сама сдача выглядела правдоподобной, Джабраил сам прикажет им указать это место. Пусть и не сам, пусть через своего «лиса» Ахмата Хамкоева, но прикажет. И шестеро бойцов Табиба попадут в жесткое полное окружение, из которого выбраться будет невозможно. Сдаваться они, конечно, не будут, не из тех... Груз за спиной слишком тяжел, чтобы с этим грузом сдаваться... Каждый, пожалуй, на пожизненное заключение потянет. Потому и будут до конца драться, как осатанелые волки, не прося пощады. И еще пару ментов обязательно положат, а то, глядишь, и побольше... Могут и каждый по паре «положить»... Не сдадутся, и не скажут, естественно, где находится их командир. Да они и не знают, где он будет к утру, потому что и он сам этого не знает...

А где он будет находиться – покажет утро. Только до утра следует многое сделать. В первую очередь найти Джабраила и присмотреться к нему и к его делам как следует. Только вот как найти его? Он наверняка не гуляет по улицам под ручку с начальником гудермесской милиции. Тогда где он может прятаться? Самое верное место, насколько может предположить Шкурник, это дом капитана милиции Ахмата Хамкоева. Это, конечно, не наверняка. Но этот дом – последнее место, где Джабраила будут искать. А теперь, после того как Ахмат приведет или привел, наверное, уже десять человек в свой горотдел, в его доме искать точно не будут...

И вообще, чтобы искать человека, необходимо знать, что человек, даже самый известный, в городе находится. А Джабраил не настолько глуп, чтобы вывешивать на заборах афиши о своих концертах... Здесь же, в Гудермесе, в подвале дома дальних родственников одного из своих близких людей, несколько лет назад зимовал, ни о чем не заботясь, сам Масхадов. И никто его не искал, потому что у Масхадова хватило ума не проводить в ту зиму митинги в свою поддержку. Федералы даже предположить не могли, что опальный президент у них под носом...

– Паленый, ты же умный, два класса закончил, скажи-ка мне, где может прятаться Джабраил?

Рыжебородый Али по прозвищу Паленый – из-за бороды прозвище и получивший – плечами пожал. Равнодушно, словно очень устал думать над вопросом, который командира волнует, и уже отчаялся решить его.

– Не знаю...

– А ты, Беслан, что думаешь?

Беслан бросил под ноги охапку хвороста, которую только что принес. Ногой хворост пошевелил, потом в носу поковырял. Этот процесс помогает ему соображать лучше.

– У Ахмата. Он женат на сестре жены Ахмата. У него и будет прятаться. У Ахмата дом большой, заблудиться можно.

– Молодец. Вот ты и в школе не учился, а думаешь, как я. Ты был в доме Ахмата?

– Нет. Мне рассказывали... Большой дом... И показали со стороны... Не с улицы, а с огорода... Там развалины стоят. Дома наших людей... И дом самого Джабраила там же... Их пока никто не восстанавливает... Только разворачивают...

– Ой, молодец... А я там давно не был, ничего этого не знаю... Проведешь нас?

– Проведу, – Беслан не проявил сомнения. Он вообще-то осторожный. Если говорит так уверенно, значит, проведет, и особой опасности там нет.

– Тогда хвороста больше не надо, – решил Юрка Шкурник, видя, что Беслан собирается опять в кусты отправиться. – Что собрали, прогорит, и пойдем потихоньку...

* * *

Вышли неторопливо, давая горожанам уснуть и собакам во дворах успокоиться. Собаки, как все хорошо знали, особенно беспокойны вечером, с приходом темноты, и в самом начале ночи. Потом уже активность теряют и не всегда обращают внимание на звуки, которые не из их двора доносятся. Двор – это зона охраны. А остальное уже может их не касаться... Да и хозяева порой ругаются, когда им приходится среди ночи на крыльцо выходить и убедиться в ложности тревоги.

Тем не менее собаки присутствие посторонних почуяли и время от времени гавкали отрывисто, сами прислушиваясь к крадущимся шагам. И потому обжитой участок города постарались проскочить быстрее. Так и достигли разваленного квартала. И едва успели перескочить через сломанный наполовину забор, как услышали шум двигателя машины. Милицейский патрульный «уазик» проехал мимо медленно, словно кто-то пристально вглядывался из темных окон в темноту ночи. Юрке Шкурнику казалось, что именно его ищут.

Но машина проехала дальше, даже не притормозив у разваленных заборов. И почти сразу за машиной проехал БТР с российским флагом, нарисованным на борту. Флаг этот отчетливо было видно при свете вышедшей окончательно из-за облаков луны.

– Куда дальше? – спросил Шкурник, едва шум двигателя БТРа стал стихать за поворотом.

– Вот, дом Джабраила, – показал Беслан. – Мы у него в саду. Хочешь яблочко?

– Хочу стрелять «под яблочко», – шепотом ответил Юрка Шкурник и поднял автомат.

Беслан с Али повернули головы. Где-то в доме отчетливо слышались какие-то непонятные звуки. Шкурник щелкнул предохранителем автомата, опуская его в положение автоматического огня. Щелчок прозвучал в ночи явственно и громко.

Звуки в доме прекратились...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Полковник Мочиллов приехал в офис антитеррористического подсектора Интерпола даже первым, так торопился опередить генерала Астахова и узнать, о чем пойдет речь, чтобы самому подготовиться и принять какую-то определенную линию поведения. Впрочем, о чем речь пойдет, ему уже сообщили по телефону, и Мочиллов прихватил с собой диск с базой данных на боевиков, обосновавшихся в районе Гудермеса. Именно там базировался отряд Джабраила Алхазурова, когда такой существовал. И заодно взял из картотеки ГРУ данные на самого Джабраила, хотя полковник Согрин его об этом и не просил. Мало ли, стодится...

Юрий Петрович уже знал, что его вчерашние подчиненные, да и, по сути дела, даже сегодняшние, поскольку приказ об отставке еще подписан не был, уже определились с местом будущей службы, которую Юрий Петрович, как человек сугубо военный, не хотел называть просто и буднично – работой. И даже знал, что получать они будут в абсолютных числах точно такую же зарплату, только уже числа эти будут соотноситься не с рублями, а с евро. И даже слегка завидовал такому пенсионному повышению, сам будучи не против через несколько лет присоединиться к коллективу, с которым давно знаком. Более того, горел желанием помочь потенциальным новым членам этого коллектива и показать, что спецназовцы стоят много не только благодаря личностным качествам, что тоже немаловажно, но и благодаря своим связям со Службой и возможности получать дополнительную информацию тогда, когда добыть ее другим путем возможным не представляется.

Поскольку вызвал Мочилова полковник Согрин, сам Игорь Алексеевич и протянул Мочиллову уже подготовленный для него материал.

– Ознакомься, Юрий Петрович. Хотя нового ты здесь не увидишь, тем не менее есть смысл уже начинать оперативную разработку.

Юрий Петрович, слегка стеснясь, достал очки. Он не любил на людях пользоваться очками, однако текст был набран мелко, и читать его без очков он не мог – возрастная дальнорзоркость, которой никто избежать не может. Как раз, когда последний лист текста был осилён и лег на подлокотник кресла, раздался звонок в дверь, и «маленький капитан», с первых дней своей работы здесь добровольно взявший на себя роль привратника, пошел открывать, не забыв перед выходом предупредить:

– Встать! Генералитет пожаловали.

Владимир Васильевич Астахов бывал в офисе интерполовцев неоднократно и очень ценил традиционный для офиса японский чай, который заваривала жена Басаргина – Александра, художник, работающий в стиле японской живописи по шелку. И сейчас, почти одновременно с генералом, Александра принесла поднос с чаем – несколько маленьких персональных чайников, и совсем миниатюрная чашка к каждому. И блюдечки с фруктами, поскольку японский чай не пьется по-русски с сахаром или с вареньем, и даже не пьется по-английски со сливками.

– Прошу прощения, посуды на всех не хватает, поэтому чай пьем в две очереди, но не торопясь. Чай суеты не любит... Начнем, естественно, с тех, кто пьет не каждый день...

Александра начала разносить чайники, чашечки и блюдечки с фруктами по персоналиям. Она сама была непосредственной участницей нескольких операций, проводимых Интерполом, и потому разговаривать при ней, как знали все, можно было без стеснения.

Начал генерал Астахов:

– Предварительно вот что... Я должен объяснить то, что мне объяснять очень не хочется, или вы сами понимаете, почему на первоначальном этапе я очень надеюсь на вашу активность? Я достаточно прозрачно высказался?

– Можете не объяснять, – сказал Басаргин. – Мы понятливые. Может быть, более понятливые, чем ваше руководство.

– Прекрасно. Я вижу, что вы все поняли. В таком случае могу сразу передать вам оперативные данные сегодняшнего вечера. Несколько часов назад капитан милиции гудермесского райотдела Ахмат Хамкоев привел на «сдачу» по амнистии десять боевиков. То есть амнистия начала работать. Впрочем, несколько случаев «сдачи» произошли и в других районах, но не такие массовые. Почему я обращаю ваше внимание конкретно на этот случай...

– Почему? – переспросил Сохно, любящий показать, что его не смущает генеральский высокий чин и он при любом генерале чувствует себя не менее непосредственно, чем при молодом лейтенанте из соседнего батальона.

– Капитан Ахмат Хамкоев сам когда-то входил в отряд Джабраила Алхазурова, но это было еще до того, как тот сблизился с Шамилем Басаевым. С приходом к власти в Чечне Ахмада Кадырова Хамкоев перешел на сторону последнего и пошел служить в милицию. Но, по нашим данным, сохранил с Джабраилом Алхазуровым хорошие отношения и даже неоднократно встречался с ним. Более того, их жены являются сводными сестрами, и это тоже, наверное, как-то сближает Алхазурова с Хамковым. И дом Хамкоева стоит через забор от бывшего дома Алхазурова, сейчас наполовину разрушенного и не восстановленного. Только вход в дом с другой улицы. Но в заборе имеется калитка, и есть возможность через нее проходить. Помимо всего прочего, ближайшим другом нашего капитана милиции является Завгат Валеев, еще один бывший боевик из отряда Джабраила Алхазурова. По национальности татарин, но живущий в Чечне с детства. Кажется, у него мать была чеченкой, но это неважно, важно то, что он сам себя больше чувствует чеченом, чем татарин. Чем занимается Завгат Валеев – вообще непонятно. И дело даже не в этом. Капитан милиции Хамкоев привел в городской отдел внутренних дел десять боевиков из отряда полевого командира, который сам себя называет Табибом.

– Юрка Шкурник, или Косой Шкурник, – показал свое знание чеченских условий подполковник Сохно, – личность известная и подлая...

– Правильно, – подтвердил генерал. – Так его зовут все остальные. И этот Косой Шкурник, согласно нашим данным, не слишком ладил с Джабраилом Алхазуровым и его людьми, хотя до прямых столкновений между отрядами, действующими в одном районе, дело не доходило. И совершенно непонятно, почему боевики, решившие сдаться, пришли не прямо в горотдел, предварительно как-то связавшись с властями, а сначала обратились к этому капитану, а потом, совершенно неожиданно для дежурного по отделу, прямо заявили туда в сопровождении Хамкоева. Не так все происходит обычно. Александр Игоревич, вы у нас аналитик, – обратился генерал к Басаргину. – Как вы эту ситуацию можете рассмотреть?

– Пока никак рассмотреть не могу, – пожал плечами Басаргин, – поскольку вижу ситуацию только с ваших слов и воспринимаю ее вместе с вашими выводами. Однако, сопоставляя ваши данные с текстом полученного нами сообщения из Лиона, считаю вполне правомочным сопоставление двух моментов, поскольку все это происходит в ареале влияния Джабраила Алхазурова. Мы обязаны ждать со стороны Джабраила какого-то действия, соотносимого с амнистией. И это действие, что мы имеем в настоящий момент, вполне может быть инициировано им. Хотя процентов двадцать в данной ситуации я все же оставил бы на совпадение, и не упускал из поля внимания все другие случаи, в том числе и происходящие в других районах республики. Что касается плохих отношений между Джабраилом Алхазуровым и Косым Юркой Шкурником, то эти отношения вполне могут быть отрегулированы приказом из-за рубежа или прямой оплатой услуг Шкурника. Одно другому, кстати, не мешает. Что на

это спецназ скажет? – Басаргин посмотрел на полковника Согрина, но вместо Игоря Алексеевича ответил полковник Мочиллов.

– Я взял с собой все последние данные по обстановке вокруг Гудермеса. По нашим данным, Джабраил Алхазуров покинул пределы России четыре месяца назад. Поговаривали, что он вернулся к занятиям музыкой, но, поскольку он в международном розыске не значится, у нас нет данных о том, где он мог «засветиться». За время отсутствия Алхазурова в России в обсуждаемом районе было произведено три относительно крупных террористических акта. Все три весьма похожи по исполнению и по эффективности. На пути следования военной колонны выставлялось взрывное устройство фугасного типа. После взрыва следовал кратковременный обстрел колонны и скоротечное отступление засады, больше похожее на бегство. Причем боевики рассеивались до того, как удавалось организовать преследование. Почему мы не рассматриваем возможность активности со стороны отряда Юрки Шкурника. У Юрки Шкурника нет в наличии минера. Даже простого, неумелого. А во всех трех террористических актах действовал высококлассный специалист. Однако мы имеем данные, что в отряде Джабраила Алхазурова, даже когда он разделился и сам Алхазуров ушел в окружение Басаева, был высококлассный минер, имени которого мы, к сожалению, не знаем. Исходя из всего вышеизложенного мы имеем право сделать вывод, что во всех трех случаях действовали остатки отряда Алхазурова. Вернее, я так предполагаю, не остатки отряда, а глубоко законспирированные боевики, официально давно вернувшиеся к мирной жизни.

– Может быть, и так, – согласился генерал Астахов.

– Что касается Юрки Шкурника и сдачи значительной части его отряда, – добавил полковник Согрин, – то здесь у меня возникают весьма серьезные сомнения. И все, кто знает мстительный характер Шкурника, со мной согласятся. Шкурник не позволит своим боевикам сдаться. И они, покинув Табиба, должны знать, что подлежат уничтожению вместе со своими семьями. Я помню такой случай во время амнистии двухлетней давности... Тогда ушли два человека... Их через неделю вместе с женами и детьми сожгли заживо дома. Это был поучительный урок, и тогда желающих повторить «подвиг» не нашлось. Боюсь, что и сейчас те два случая не забыты, и такая массовая сдача не выглядит лично для меня естественной.

– Но ведь может быть, что Шкурник вообще остался в одиночестве? – предположил Тобако. – Сколько человек у него в отряде?

– По крайней мере еще столько же, – ответил Юрий Петрович. – И таких, кому сдаваться – все равно что строевым шагом под барабанный бой добровольно взойти на плаху... Они не подлежат амнистии... Но и склонности к суициду не имеют...

– Я запросил все данные на десять сдавшихся боевиков Юрки Шкурника, – сообщил генерал Астахов. – Думаю, завтра утром или по крайней мере до обеда данные будут у меня. Но я в этой ситуации оказался человеком со связанными руками и не могу откомандировать своих сотрудников туда, где радостно рапортуют военная прокуратура и сотрудники чеченского МВД. Официально, естественно, сотрудники Интерпола в ситуацию тоже ввязаться не могут. Но вот неофициально...

– Неофициально неофициальные сотрудники, – выдал Доктор Смерть сложную для понимания формулировку. – Я бы назвал такой выход...

– Поясните, Виктор Юрьевич, – попросил генерал. – Я, кажется, слишком глуп, чтобы понять такое.

– Я бы объяснил, если бы сам понял, – проворчал Доктор. – Приблизительно это значит, что группа полковника Согрина официально еще не оформлена в состав нашего бюро. Их и следует отправить с официальной миссией в качестве неофициальных сотрудников Интерпола, имеющих официальную «крышу» спецназа ГРУ... Понятно я объясняю то, что сам не понимаю? Совсем запутался.

– Принцип принят, – усмехнулся полковник Мочиллов. – Вопрос в том, что наше руководство может иметь собственные возражения, не касающиеся существа вопроса.

– Если это касается командировочного фонда... – начал Басаргин.

– Это касается именно командировочного фонда, – мрачно согласился полковник.

– Тогда, я думаю, мы сможем решить этот вопрос, отправив офицеров в качестве волонтеров⁵. Но они должны при этом иметь при себе соответствующие командировочные документы спецназа ГРУ, чтобы не показывать наше официальное присутствие в районе. Этот вопрос решить возможно?

– С документами, думается, проблем не возникнет, – согласился Юрий Петрович. – Если Интерпол профинансирует поездку целого батальона спецназа, мы можем подготовить документы и на батальон. Только выпишите гарантийное письмо, и мое командование, думаю, не возразит.

– Но отправить их следует немедленно.

– Можно даже с нашим самолетом, – предложил генерал Астахов. – У нас ночью самолет в Ханкалу вылетает. Сотрудники отправляются на ротацию, и три места, думаю, всегда найдутся.

– Значит, вопрос решен! – возликовал Сохно. – Бросаю пить чай и бегу переодеваться...

– Как мало нужно человеку для счастья, – пробасил Доктор Смерть...

2

– Отдыхай, ты сегодня хорошо поработал. И сны будешь видеть сладкие, с большущими майорскими погонами. Они покажутся тебе легкими и сияющими, – Джабраил намеренно зевнул, словно желал показать, что и сам устал и не прочь бы поспать.

– Утром я рано уйду, тебя будить не буду. – Ахмата вроде бы тяготило общество Джабраила, и он с удовольствием воспользовался предложением. Но не забыл при расставании улыбнуться с привычной своей миной добродушия, которую сам Джабраил давно уже научился прекрасно читать, будто она словами по круглым щекам выписана.

Когда Ахмат ушел и скрип половиц стих в другом конце дома, сам Джабраил долго еще не ложился спать, хотя на дворе встала уже прочная ночь, сначала темная, окутывающая, хотя и ветреная, но вскоре незаметно перешедшая в прозрачную и тихую лунную, в которую романтиков на прогулки тянет.

Он по-прежнему сидел за столом, правда, уже не раскрывал перед собой нотную тетрадь и не «играл» без инструмента, перебегая пальцами по белой скатерти. Но глаза держал по-прежнему закрытыми. С закрытыми глазами всегда лучше работает воображение. О чем думал Джабраил? Он сам понимал, что думать, и думать сосредоточенно, ему следовало бы о большом предстоящем деле, которое он начал. Но об этом сейчас не думалось совсем, хотя Джабраил и пытался заставить себя. Мысль, однако, принуждению не поддавалась и, привычно легкомысленная, меняла направление, уходила за окно, через сад с почти полностью опавшими листьями, через калитку в заборе, в соседний сад.

Сколько сдерживал себя Джабраил... Уже четвертые сутки пошли, как он здесь. И ни разу не посетил свой дом, хотя так тянуло туда. Но это даже с Ахматом обсуждали: случайный взгляд со стороны, из-за разрушенного наполовину забора – и все может пойти прахом. Не только теплое и насиженное место Ахмата, прикрывающего всех, кто остался от отряда Джабраила. Но и, самое главное, новое дело. Такое большое и ответственное.

Ахмат дважды по просьбе Джабраила навещал полуразрушенный дом. Сначала просто рассказал, что там и как. Расстроил сообщением о мародерстве соседей. Неприятно покоробил

---

⁵ Существующая в Интерполе система помощников. Не являясь официальными сотрудниками международной полиции, волонтеры привлекаются только для проведения конкретных операций и получают оплату только за это.

рассказом о том, что раковину на кухне какие-то грязные типы превратили в унитаз. Через день отправившись снова, по просьбе Джабраила принес оттуда поломанный стул, потому что целых стульев там не осталось. Подремонтировал своими неумелыми руками, как мог. Сидеть на этом стуле рискованно, но сейчас там лежат нотные тетради Джабраила.

Когда-то Джабраил именно на этом стуле и сидел. Белый, красивый стул. Положив на спинку руку, он чувствовал себя присутствующим там, за родными стенами, в чистом и уютном доме, где все, как теперь казалось, было белым. И даже себя он видел не в черном головном платке, а в белом костюме. Раньше он любил белые или просто светлые костюмы. Этот цвет был очень к лицу Джабраилу, и он хорошо это знал. Сейчас вспоминался дом, вспоминался он сам в белых одеждах, все это виделось в легкой туманной романтической и идеалистической дымке, а в ушах звучала музыка. Та музыка, которую он напишет. И эта музыка полностью отвечала его настроению, его воспоминаниям и его переживаниям.

Музыка... Много музыки... Сколько помнил себя Джабраил, музыка всегда жила в нем, с самого детства уши заполняли гармоничные, создающие приподнятое и доброе настроение звуки. Видел он горы – они создавали в голове звуки волнующие и величественные, чистые, как чист горный воздух, и легко-протяжные, как полет орла. Видел он, как ветер тугими волнами клонит ковыль в степи, звуки в голове вставляли другие, плавные, с переливами, но в то же время напряженные и, казалось, безостановочные. Поезд рассекал долину своим стремительным бегом – опять новая музыка, стремительная и обещающая скорые перемены. Все, буквально все, что он видел, рождало музыку. Наверное, он рожден был стать композитором, и стал им... Но он рожден был стать большим, если уж не великим композитором, и стремился к этому, учился у лучших педагогов Европы, которые уверены были, что работают с новой восходящей звездой мирового музыкального творчества. И он обязательно стал бы таким, если бы не эти десять лет его войны...

Десять лет вычеркнуты из жизни.

Вычеркнуты? Нет. Они тоже остались в душе музыкой – трагической и героической, болезненной и отчаянной, но – музыкой...

* * *

Музыка звучала в нем и сейчас, когда Джабраил вспоминал о том, каким был его дом раньше, не имея сил пойти и посмотреть, каким он стал сейчас, чтобы не озлобиться, чтобы не превратиться в лютого неукротимого зверя, жаждущего только одного – мести. Говорят, что гений и злодейство несовместимы. Джабраил не хотел быть злодеем, хотя не совсем соглашался с истинностью утверждения. История знала многих гениев и злодеев в одном лице. Но он даже злодеем быть не желал, и вовсе не потому, что желал быть гением. Он себя гением уже чувствовал, и другие, опытные и серьезные люди, к мнению которых мир прислушивался, говорили ему об этом открыто. Для полного признания не хватало немногого – публичности. Но публичность – это предмет времени. Она сама приходит, когда время поймет, что пора уже. Однако время сыграло с Джабраилом дурную шутку, оставив без инструмента, вместо которого под руками оказался автомат. И любовь друзей, знакомых, просто людей, знающих его, то есть признание авторитета. Эти люди готовы были пойти за авторитетным человеком, которого они любили. Так сказал когда-то генерал Джохар Дудаев, и он не потребовал, а попросил Джабраила повести людей за собой. И Джабраил повел, оставив признание своей гениальности на потом, когда время к этому настанет...

Были, конечно, и другие люди рядом. Были те, кто объяснял, что ему не место там, где идет война, тем более война не просто национальная, но война еще и религиозная. А религия была против его музыки. У религии музыка была своя. Да и национальная музыка значительно отличалась от европейской классики, которой Джабраила учили всю его недолгую еще жизнь.

Ему предлагали все бросить и уехать в Европу. Туда, где он учился. И там продолжать свои занятия...

Наверное, и в этих подсказках была правда. Особенно часто он слышал такие слова от жены, пианистки не самого большого таланта, и к тому же не чеченки, вернее, только на четверть чеченки. И потому она не могла понять его национальных чувств. В ней очень слабо говорила чеченская кровь, а кровь матери, еврейки-космополитки, говорила, что родина у человека там, где он живет. И он отправил ее в Германию. Вместе с детьми. У них там появился новый дом, купленный на деньги, которые он привозил. Не слишком большой, но удобный. А этот дом, полуразрушенный, жена и дети забыли. Особенно, конечно, дети, потому что они жили здесь, когда были совсем маленькими. Но не забыл его Джабраил... И хотел видеть разрушенными дома тех, кто разрушил его дом...

Гений и злодейство несовместимы. Ерунда. Он разрушит их дома. И после этого станет гением. Он по-прежнему слышит музыку постоянно, словно никогда ни на шаг не отходил от инструмента. Даже более того, он слышал музыку в бою, и все звуки войны, крики смерти, выстрелы и взрывы так легко переводились в уме в музыку, что он чувствовал себя гением. Это кому-то трудно искать в голове новые ноты. У него так много накопилось новых музыкальных мотивов, что он может теперь при первом же случае сесть за инструмент и играть совершенно новую музыку даже не с листа, а просто из головы. Играть, играть и играть... Он постоянно чувствовал потребность в этом.

Порой Джабраилу удавалось отдыхать за границей. Особенно чувствовалась потребность в таком отдыхе зимой, когда он и весь отряд уводил с собой. Отряд устраивался где-то в приграничных селах, где жили этнические чеченцы. А сам он имел возможность и в город выбраться. Однажды даже сходил в Грузию на концерт швейцарского пианиста. Там, в городе, он и сам мог бы найти возможность сесть за инструмент. Но не садился принципиально, потому что его война еще не закончилась...

* * *

Музыка дома звучала, заполняя Джабраила целиком. Она была ностальгической, щемящей душу, вызывающей тепло в середине груди и обволакивающей голову сладким туманом. Потом мелодия стала постепенно меняться, одна за другой в общий текст звуков стали вплетаться грустные нотки. Потом этих ноток становилось все больше и больше. А еще через несколько минут мелодия стала походить на стоны. Дому было больно, дом страдал, чувствуя рядом хозяина и не имея возможности хозяина увидеть. Дом был живым организмом, любимым живым организмом, общающимся с хозяином посредством музыки. И, сам не осознавая, что он делает, Джабраил встал, и тихо вышел из дома. Он очень старался, чтобы не скрипели половицы под его скользящими шагами. И потому даже не переобулся, а вышел, как был, в тапочках. Еще и тогда он не думал идти в свой дом, хотя дом звал его, требовал к себе настоятельно и печально, как зовет, бывает, хозяина больная собака.

Во дворе рядом с крыльцом стоял Алан. Смотрел на Джабраила внимательно и помахивал лохматым хвостом. Джабраил положил руку на широкий лоб собаки и двинулся в глубину сада. Он сам не осознавал, что идет на зов. Он уверен был, что вышел просто воздухом подышать перед сном. Но шел целенаправленно и без остановки.

Задвижка в калитке не имела замка, хотя и имела петлю для замка. Но зачем замок, если задвижка закрывается с этой стороны... Стараясь не издать ни звука, Джабраил отодвинул засов и сразу, не сомневаясь, шагнул в собственный сад. Калитку за собой закрыл плотно, чтобы не вышел Алан.

Вот дорожка, по которой ходил столько раз. Выложенная фигурной тротуарной плиткой. Дорожка не напрямую ведет к дому, а огибает его по кругу. Сделав по дорожке несколько шагов

и умиляясь этому, Джабраил все же пошел напрямую. И приблизился к двухэтажному дому, не имеющему ни одного стекла в окнах. Те стекла, что не были разбиты, оказались просто вынутыми из рам и унесенными кем-то, кто имел потребность в стекле. Это даже не возмущало. Задняя дверь тоже перестала быть дверью. Даже наполовину перестала, потому что верхняя половина была выломана, а нижняя уже не могла самостоятельно роль двери выполнить.

Джабраил шагнул за порог, все так же слыша в ушах стонущую музыку. Пол первого этажа был завален кирпичом. На кухню, памятуя рассказ Ахмата, даже заходить не захотелось. И он сразу пошел на второй этаж, сразу к своей большой угловой комнате, где когда-то стоял рояль, неизвестно кем и куда вывезенный.

Шум машины на улице только на секунду врезался в болезненный музыкальный фон, но вплеся в него почти органично. Потом так же органично Джабраил прослушал и шум более серьезного двигателя, и по звуку догадался, что по улице едет патрульный БТР. И, не отвлекаясь от музыки, похвалил себя, что не взял фонарь, потому что патрульные могли заметить свет фонаря в развалинах, и это не осталось бы без внимания.

Машины прошли, а без фонаря Джабраил все же споткнулся. Это как-то вывело его из состояния прослушивания музыки дома и заставило насторожиться. И не зря, потому что почти сразу после звука, который он сам издал, Джабраил услышал другой звук, который определил безошибочно – кто-то опустил предохранитель на автомате.

Это уже была прямая угроза, сразу сделавшая из музыканта воина. Джабраил был хорошим воином, и он даже подумать ничего не успел, как пистолет переселился из-за ремня на спине в руку и подготовился к стрельбе как бы сам по себе, без того, чтобы человек подумал об этом.

Теперь каждый шаг – это шаг к спасению, если он будет неслышимым. Так осторожно и передвигался Джабраил к окну. В доме-развалинах темно. Его силуэт высветиться не может, и потому осторожно выглядывать можно без опасения. Но сад луной освещается хорошо. И Джабраил сразу увидел прижавшиеся к забору три человеческие фигуры. Они, несомненно, слышали звук из дома. Поняли или не поняли, что там кто-то есть? Но – насторожились. Ждали чего-то, может быть, повторения звука.

Так в напряжении прошло почти пять минут. Люди у забора тихо переговаривались, спрашивая друг друга, что им делать. Но ждать долго они тоже не хотели и стали осторожно выдвигаться в сторону сада. Не в сторону дома, а в сторону сада, к забору с домом Ахмата Хамкоева, к тому забору, где Джабраил оставил калитку закрытой.

За калитку они не пройдут. Там сидит грозный сторож Алан, который собьет чужаков с ног раньше, чем они успеют выстрелить. Но выстрелить они все же успеют. Алана жалко. Он старый и верный пес, который никакого противника не испугается. И потому будет обречен...

Не слишком думая о себе, о том, что автоматные очереди могут быть направлены и в окно, из которого раздастся выстрел, Джабраил поднял пистолет. Он почти не целился, потому что умел стрелять быстро. И нажал на спусковой крючок.

Один из людей упал, двое других бросились в сторону кустов, дав несколько коротких нецельных очередей неизвестно куда. Джабраил еще дважды выстрелил, тоже видя только шевеление кустов, и только после этого заметил, как молниеносно перелетели через разваленный забор две фигуры.

Теперь вниз... Алан лает, зовет. В доме Ахмата свет не зажегся, но шум послышался. Ахмат, похоже, вооружился и спешил на зов Алана. Но около убитого, застывшего в неестественной позе, Джабраил оказался раньше.

– Кто здесь? – из-за калитки раздался голос Ахмата.

– Это я... Иди сюда...

Ахмат появился в проеме с автоматом в руках. Дышал тяжело, испуганно. Он вообще-то трусом никогда не был. Хотя и отвагой не блистал. Но за себя и за своих близких стоять всегда готов насмерть.

– Не знаешь, кто это?

Ахмат включил фонарь и вместе с рычащим Аланом склонился над телом, вглядываясь в лицо. Долго смотрел. Предсмертный оскал, конечно, лицо изменил. Но Ахмат узнал его, понял Джабраил, когда ментовский капитан выпрямился.

– Это Али Паленый. Верный пес Юрки Шкурника.

– Сдается мне, ты станешь сразу подполковником, – усмехнулся Джабраил. – Звони в горотдел. Три человека из банды Юрки Шкурника пытались отомстить тебе за то, что ты сделал сегодня. Одного ты убил, двое сбежали...

Обеспокоенный до этого Ахмат просиял, понимая, какую помощь оказал ему Джабраил. А Алан все лаял, не останавливаясь. В одну, в другую сторону, словно сопровождал своим голосом убежавших...

3

Термин «сбежали» не слишком подходил для того состояния, в котором находился Юрка Шкурник. Даже то, что он сильнее обычного косил глазом, вовсе не говорило об испуге. Шкурника можно было обвинить в чем угодно – в коварстве, в бесчестности, в жестокости, в предвзятости и жадности, но трусом он никогда не был. Шкурник просто отступил, и все. Но отступление происходило достаточно быстро, поэтому Джабраилу, не выставившему себя на всеобщее обозрение, следовательно, не давшему возможность в себя стрелять, обманчиво показалось, что это было простое бегство.

Опыт боевых действий у Юрки Шкурника был большой, и этот опыт не позволял предполагать, что он встретился со случайностью. Случайности, конечно же, как и везде в жизни, встречаются и на войне, и даже не слишком редко. Однако же гораздо чаще такие внешние случайности бывают хорошо продуманными и организованными. И потому Табибу сначала показалось, что он попал в организованную засаду. В этом случае отступление, организованное, а не паническое, должно происходить как можно быстрее и без потери внимания к окружающему.

Не потерял хладнокровия и Беслан, при перебежках умело контролируя территорию вокруг стволом своего автомата. Вправо – влево... И указательный палец на спусковом крючке каждый миг готов судорожно сжаться. При этом оба помнили, что совсем недавно проехал милицейский «уазик» и следом за ним БТР. Проехали, конечно, уже и далеко, но они могут вернуться, если в машинах слышали выстрелы. А слышать могли, особенно в «уазике», у которого двигатель не так сильно шумит, как у БТР. Но не в них, как посчитал Табиб, вся опасность. Если ставят засаду, засада сама по себе предполагает перекрытие путей отхода. Впрочем, когда новых выстрелов не раздалось, Шкурник уже не мог так уверенно думать, что попал в засаду. Но опять же на случайность он не полагался. Если это была не засада, то это был сторожевой пост. Джабраил достаточно опытен и дорожит собственной безопасностью. И пост этот он выставил не от другого полевого командира, потому что не мог предположить, что Табиб пожелает навестить его в доме Ахмата, а просто на всякий случай, чтобы защитить себя от возможной проверки со стороны федералов. Если дело обстоит так, то нечего опасаться погони. А погони, кажется, не было... Хотя сразу проверить это невозможно.

Выходит, подобраться к Джабраилу труднее, чем это показалось вначале. Но если подобраться труднее, значит, Джабраил бережет себя. Значит, ему есть что беречь, есть за что опасаться. Не только, понятно, за собственную жизнь, рисковать которой он умеет, как всякий горец, но и за содержимое своего вещмешка, которое полностью неизвестно Шкурнику...

Юрка Шкурник предположить не мог, что Джабраил имеет привычку всегда таскать с собой нотные тетради. Мало ли что, оставишь их, и не будет возможности возвратиться, чтобы забрать. Подобные потери невосполнимы. Но это просто не укладывалось в голове такого приземленного человека, к тому же элементарно не ощущающего в ушах постоянную музыку окружающего его большого мира, отражающую все события этого мира...

* * *

Доказательством того, что Юрка Шкурник не убегал, являлся и тот факт, что убегают обычно в испуге, в панике и стараются убежать как можно дальше от места событий. Юрка же, как опытный боевик и хладнокровный человек, только перемахнув вместе с Бесланом полуразваленный забор, почти сразу же перемахнул и забор соседний, точно такой же полуразваленный, расположенный в пятнадцати метрах дальше по улице. Беслан последовал за ним словно привязанный. И уже там, среди заросшего сада соседнего не восстановленного дома, оба на миг притаились и прислушались, определяя возможность погони. На это ушло всего несколько десятков секунд, может быть, минута. Погони определенно не было. Тогда Шкурник поднял голову, скривив физиономию, злобно усмехнулся не понимающему ситуацию Беслану и тут же неслышимым шагом направился к другому забору, разделяющему этот сад и бывший сад Джабраила. Беслан за ним не последовал, он охранял забор, повернув в сторону провала ствол автомата.

Лаяла собака. Злобно и хрипло. Юрка Шкурник никогда собак не любил. Это у него с детства, когда его основательно подрали два соседских пса. Пришлось даже в больницу обращаться, чтобы там зашили раны, нанесенные страшными клыками волкодавов. И после этого Юрка два года хромотал. И хорошо, что сейчас сумели убежать раньше, чем на месте появился пес. Шкурник хорошо знал, как быстры в атаке внешне крупные и неповоротливые собаки. Не всегда успеешь дать прицельную очередь. А потом уже поздно будет, потому что собака в тебя вцепится.

Издалека слышались голоса. Лай собаки мешал разобрать, что говорили, но Шкурник, приблизившись к забору вплотную, остался уверен, что голоса узнал. Разговаривали двое. Один из них, кажется, Ахмат Хамкоев, второй, несомненно, сам Джабраил Алхазуров. Должен был бы там быть и третий человек, который стрелял – часовой. Но, сколько Шкурник ни прислушивался, третьего голоса не услышал. Значит, их всего было двое. Хамкоев пришел со стороны своего дома. Он кричал оттуда, спрашивая, что случилось. Выходит, что в доме, в собственном доме, находился именно Джабраил? И Табиб опять упустил его? Впрочем, если он там находился, то, скорее всего, без своего вещмешка, такого привлекательного невидимым содержимым. Но... Почему?.. Может быть, он этот вещмешок как раз и прячет в развалинах своего дома? Может быть, у него там тайник, и помимо того, что в вещмешке было, и в тайнике найдется что-то, что может заинтересовать?..

От таких сосредоточенных мыслей у Шкурника даже глаз стал смотреть почти прямо, словно он двумя глазами увидел уже содержимое тайника Джабраила Алхазурова. И представил, что пачек с баксами там гораздо больше, чем сейчас в мешке за плечами самого Табиба. Несравненно больше, настолько больше, что и сам он, завладев содержимым тайника, сможет купить себе дом ничуть не хуже, чем дом Джабраила в Германии, где живут его жена и дети. Шкурник не видел этот дом, знал только, что такой дом есть. Даже не представлял, большой он или маленький, красивый или уродец. Но в представлении этот дом вырастал в огромный богатый особняк с садом и обширной открытой лужайкой вокруг. А по этой травяной лужайке дети ездят в электромобилях... И не смотреть на этот дом, а просто представлять себе, что у Джабраила есть такой, было для Шкурника невыносимо больно, словно этот дом отняли у него и отдали другому.

Юрка Шкурник страшно завидовал и очень мучился от своей зависти, как от физической боли, как от ранения... И при этом не виделось медицинского средства, которое могло бы его спасти. Впрочем, средство виделось, хотя и не медицинское. И даже два... Первое – когда сам он будет жить лучше и богаче и не будет никому завидовать. Второе – когда Джабраил внезапно все потеряет и останется ни с чем. Второе средство казалось Шкурнику даже более предпочтительным, более сладким. Тем не менее стремился он к первому, потому что оно было материальнее, а он всегда считал себя человеком от земли...

* * *

Беслан контролировал выход из сада на улицу и дважды тихо мяукнул. Шкурник и сам слышал, как по ночной улице проходит машина. Судя по звуку двигателя, тот же милицкий «уазик» возвращается. И так же медленно едет. Непонятно, слышали в машине выстрелы или нет. Издали точно определить место невозможно. Но машина не проехала мимо забора, а свернула на боковую улицу, не доезжая. Таиб понял, что капитан милиции Ахмат Хамкоев решил с выгодой для себя использовать ситуацию, и сейчас менты приедут к капитану в дом. Так оно и случилось, о чем сообщил злобный и раскатистый лай собаки. Интересно, где сейчас находится Джабраил? Не будет же он ментов встречать... Впрочем, дом у Хамкоева большой, и отсидеться есть где... Не будут же у героя дня дом обыскивать только потому, что этого героя якобы застрелить пытались. А Ахмат наверняка скажет, что застрелить пытались его, в отместку за подвиг дня... Не сказать так просто глупость...

Но и сам Юрка Шкурник тоже начал подумывать, что совершил глупость, не убравшись вовремя подальше. Машина, должно быть, пожаловала к капитану не одна. Голосов слышалось множество. А скоро эти голоса приблизились и, кажется, переместились в сад бывшего дома Джабраила. Осматривали что-то там. Хорошо хоть, между двумя разрушенными домами забор не разрушен, и Таиб за забором среди кустов прячется.

– Вот здесь они, наверное, и сидели, – сказал кто-то по-русски. – Ждали, когда в доме свет погаснет.

– Да, – ответил другой, тоже по-русски, но с акцентом. – Если бы не собака, капитана сегодня положили бы со всей семьей.

Главное, чтобы они не надумали в соседний двор войти. Тогда придется стрелять и через заборы уходить в срочном порядке. Здесь не центр города. Уйти можно. И много разваленных домов. Через жилые дворы пройти сейчас проблематично. Почти в каждом дворе своя собака...

– Ладно, что тут смотреть. Пойдем, что ли.

– В соседний двор не заглянем?

Шкурник напрягся.

– А там что делать?..

– Ладно, пошли. Спать хочется, – и раздался звучный, аппетитный зевок.

– Некогда сегодня спать. Сейчас допросы закончат, пошлют базу этого Косого Шкурника искать...

Таиб, естественно, не знал, что за спиной его зовут Косым Шкурником, иначе на такое обращение он ответил бы выстрелом и доказал, что косой глаз не мешает ему точно стрелять. Что Юркой Шкурником зовут, уже слышал, передавали добрые люди еще в те времена, когда он шкуры принимал. В этом ничего обидного нет. Но Косой Шкурник – это похоже на оскорбление. А говорят-то точно о нем... И он с силой сжал приклад автомата.

Но тут же успокоился, потому что заимел возможность похвалить себя. А как не похвалить, если он предвидел, что месторасположение базы сдадут и туда нагрянут менты, а то и спецназовцы. И всех, кто там находится, положат. И пусть положат. Меньше останется людей, которые смогут рассказать о прошлом полевого командира Таиба. Когда-то и это тоже может

сгодиться. Война кончилась. Людей у него больше нет, не считая Беслана. Значит, надо быстрее уходить за границу. Но уходить можно не с пустым карманом...

Шкурник тихо, чтобы не слышали люди за забором, перебрался к Беслану. Присел рядом, нос почесал, показывая свое хладнокровие и презрение к опасности.

– Ты как? – спросил.

– Нормально. Спать еще не хочу. Только прохладно становится. Вспотел, когда бегал. Сейчас на ветерке морозит.

– Сейчас эти уберутся, пойдем в дом Джабраила... Там ветра нет...

– А что там? – не слишком заинтересованно спросил Беслан.

– Там тайник должен быть. Будем искать...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Видавший виды «Ту-134» прибыл в аэропорт «Ханкалу» утром, еще в темноте, и быстро вырулил с взлетно-посадочной полосы на стоянку, заняв место между двумя военно-транспортными «анам», стоящими под разгрузкой. Вместе с группой Согрина летели в длительную командировку сменить работающих в Чечне товарищей шестеро «альфовцев». Народ неразговорчивый, и все общение при посадке в самолет состояло из короткого вопроса Сохно и такого же короткого ответа командира группы майора Султанова. Потом короткого вопроса командира группы майора Султанова и короткого ответа Сохно.

– Бывали уже там?

– Бывали... А вы?

– В основном там и бывали.

У «альфовцев» своя задача, они в отличие от спецназовцев ГРУ летели не на конкретную операцию, но посматривали группы одна на другую с уважением, не стараясь вникнуть в чужие дела. И, не зная, что им предстоит в Чечне и когда, после взлета все предпочитали загодя по возможности выспаться.

В Ханкале прямо к траппу подали автобус для «альфовцев», те предложили подвезти и спецназовцев, но Согрин уже увидел приближающийся «уазик» – полковник Мочиллов, как и обещал, в ночь занялся обеспечением группы Согрина, вопреки привычке заниматься этим делом загодя.

– Нас встречают.

На базе спецназа ГРУ в Грозном у группы Согрина имелось свое небольшое помещение, и, к счастью, помещение еще не успели отдать кому-то другому, поскольку сам Согрин с товарищами уже не собирался сюда возвращаться. Но возвратиться пришлось.

Дежурный по базе ждал их и сразу отправил полковника к штабным картографам за получением карт, а двух подполковников на склад, где прапорщик-кладовщик со щегольскими усиками уже подготовил комплект всего необходимого для длительного рейда.

– Перегружаешь, старик, – проворчал Сохно молодому прапорщику. – Я здесь навечно селиться не собираюсь.

И безоговорочно отодвинул половину выделенных продуктов. Патроны, впрочем, и гранаты взял в полном комплекте. Не столько по надобности, сколько по привычке. А потом долго возился, выбирая себе веревку. К веревкам у Сохно всегда была особая привязанность, и этому вопросу он уделял внимание обязательно. Кордебалет проверял заряд аккумуляторных батарей для ночного прицела своего «винтореза» и ПНВ⁶ бинокля полковника.

За этим занятием их и застал полковник Согрин, торопливо пришедший вслед за своими офицерами. Сразу стал загружаться сам и остальных поторопил:

– Договорились с вертолетом. Группа из прокуратуры и телевизионщики вылетают... Мы с ними... Быстрее... Машина ждет...

На обратной дороге в Ханкалу спецназовский «уазик», не проявляющий смущения перед выбоинами дороги, обогнал «Газель» с надписью «телевидение».

– В РОШ⁷ все равно заскочить не успеем, – посетовал Согрин.

– А нам там и делать нечего, – пожал плечами Сохно.

---

⁶ ПНВ – прибор ночного видения.

⁷ РОШ – региональный оперативный штаб по проведению контртеррористической операции на Северном Кавказе.

– Обстановку бы на всякий случай узнать.

Но в РОШ они не поехали, опасаясь опоздать на вертолет, где они были не штатными пассажирами, а просто попутчиками без права задержки. Вертолет мог вылететь и без них. Впрочем, телевизионщиков пришлось ждать еще двадцать минут после посадки. Руководитель следственной бригады не по годам седой подполковник был уже в курсе дела и получил приказ выдавать спецназовцам полную информацию. Согрин сразу приступил к инструктажу – какие конкретные вопросы интересуют его во время стандартного допроса. Подполковник, пользуясь тем, что вертолет, хотя и завертел уже винтами, все же вибрирует не так сильно, как в полете, эти вопросы внес в свой блокнот.

Телевизионщики загрузились быстро. Закрыли дверь. Вибрация винтокрылой машины усилилась, пилот начал «выбирать обороты», и только по внезапно наступившему крену большинство поняло, что вертолет уже в полете...

* * *

«Комедия» со съемками материала для новостных телевизионных программ затянулась, и хорошо еще, что телевизионщики в отличие от киношников не имеют привычки снимать дубли. Пора уже было и к допросам приступать, потому что потерянное время часто бывает невозможно компенсировать. Впрочем, Согрин с офицерами не стали наблюдать «комедию», а сразу взялись за читку протоколов предварительных допросов, и попутно сами «допрашивали» местного опера, который давал пояснения по всем неясным вопросам. Но предварительные допросы сводились в основном к одному: где находится в настоящий момент Юрка Шкурник с остатками своего отряда. Этот вопрос был вполне закономерен, поскольку, как сообщили приезжим, ночью люди из отряда Юрки Шкурника пытались произвести нападение на дом капитана милиции Ахмата Хамкоева. Тревогу подняла собака, и Хамкоев, вовремя сориентировавшись, потому что был насторожен, застрелил одного из нападавших, некоего боевика Али Паленого, чей труп лежал сейчас в подвале горотдела милиции, и уже предупреждены были родственники Паленого, что им предстоит прийти на опознание.

Сдавшиеся боевики одинаково указали место обычной базы Юрки Шкурника и две дополнительные базы, куда, Впрочем, из-за отдаленности он сейчас уйти не мог. По общей версии, Шкурник подозревал, что часть его отряда готовится сдать властям, и загодя забрал у всех документы. А когда они все же сговорились и ушли, Шкурник с оставшимися восьмерыми верными ему боевиками остался на ближайшей базе и не решился преследовать десятерых. Они тщательно следили, не будет ли преследования, и не заметили его. Более того, группа, подготовившись к сдаче, три дня сидела в лесу под Гудермесом и вела переговоры с капитаном милиции Хамковым, который действовал с санкции начальника городского управления МВД, но своему руководству пока не докладывал, потому что не был уверен в окончательном результате.

– На поиски Табиба кто-то отправился? – поинтересовался Сохно.

– Милицейский взвод, – сообщил опер.

– Всего-то? Они и окружить не сумеют.

– Мы еще ночью сообщили Рамзану Кадырову. Он приказал отправить милицейский взвод и, в свою очередь, высылает два вертолета со своими людьми. У него к Шкурнику свой счет. Шкурника приказано брать живым.

– Они «возьмут» только его голову, – сказал Кордебалет. – Не знаю, как голова без тела может оставаться живой... Она не сможет дать показания, которые нам очень нужны.

Опер помрачнел, хотя прекрасно знал, что все будет именно так.

– Это их проблемы, – задумчиво сказал полковник Согрин. – Не нам вмешиваться в местные традиции. Меня другое интересует. Давно в ваших краях не было слышно про Джабраила Алхазурова?

– Давно не слышно. – Опер с удовольствием перевел разговор на другую тему. – По слухам, он осел где-то за границей. По крайней мере, семья у него в Германии, имеет дом и живет не слишком бедно... Наверное, и он где-то рядом. Его в международный розыск не объявляли.

– А вот это зря. Материалов для представления достаточно.

Такой вывод, судя по выражению его лица, оперу не понравился.

– Его у нас в народе любят.

– А этот... Капитан Хамкоев. Он, кажется, родственник Джабраила Алхазурова?

Опер пожал плечами:

– По большому счету, в какой-то степени мы все здесь друг другу родственники. Кажется, у Хамкоева и Алхазурова жены сводные сестры... Матери у них разные, отец один... Точно я не знаю. Может, и еще какое-то родство есть. А что вас Джабраил волнует? Он к этому делу отношения не имеет.

– Ни один из сдавшихся боевиков не упоминал его имени?

– Нет. – Опер был даже удивлен.

– Ну и ладно, – улыбнулся Согрин, прекращая разговор.

Улыбка была редким гостем на его обычно сосредоточенном сухом лице. И потому в ее искренность верилось легко.

До начала основных допросов оставалось время, Согрин отпустил опера вместе с протоколами предварительных допросов, которые ничего спецназовцам не дали, и достал карту Гудермеса. Ткнул пальцем.

– Толя, вот дом Хамкоева. Вот, за забором, бывший дом Джабраила Алхазурова. Походи там, полюбопытствуй. Тем более там ночью стреляли. Осторожнее только, собаку не обижай. Если будет возможность, дай своим знакомым сигнал, что ты здесь. Пусть готовятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.